

Жаде́тская

ПЕРЕКЛИЧКА

№3
1972

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 3

Нью-Йорк

1972

Художественная обработка А. Н. Родзевич

“CADETS ROLLCALL”

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price   \$2.00 USA per single copy
                                  \$5.00 USA for one year

Managing Editor
Paul Olfertev
133-32 Avery Avenue
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Редактора	3
Иг. Автомонов — Когда погиб Король	4
Капитан П. П. Шеншин — Светлой памяти Короля Александра	5
Е. В. Княжна Вера Константиновна — Константиновичи А. Росселевич — 2-й Кадетский Императора Петра Ве- ликого Корпус	8 23
А. Бертельс-Меньшой — О наших воспитателях и пре- подавателях	30
Н. Белавина — Без берез	34
Венесуэльское Объединение	35
Ночь в Puerto Azul	39
А. Бертельс-Меньшой — О традициях	40
Пол. М. Бугураев — Пенужное разжалование	44
Н. Воробьев — С Дона выдачи нет!	47
А. Мальчевский — Каким образом?	50
Н. Воробьев — Единственный случай джигитовки в кор- пусе за границей	52
С. Ольденборгер — Поездка на заработки	53
П. Гайдовский — Отпуск	58
С. Ольденборгер — Первое знакомство Крымцев с ин- ститутками	62
А. Бертельс-Меньшой — «Беспокойный»	65
А. Родзевич — Памяти друга-героя	68
Крестословица № 2	72

Подписывайтесь и распространяйте
«Кадетскую Переключку»

ОТ РЕДАКТОРА

«Кадетская Переключка», призванная к жизни II Съездом Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Каракасе в 1970 г. и осуществленная заботами, трудом и материальной поддержкой Объединения Рос. Зар. Кадет в Нью-Йорке, приветствует однокашников, собравшихся на их III Съезд на восточном побережье США. Желает плодотворной работы, радостных встреч и еще большего ОБЪЕДИНЕНИЯ во всем мире.

Перед Съездом много задач и одной из них должна быть забота о как можно большем распространении нашего органа связи, материального обеспечения его существования и перевода его путем достаточного количества подписчиков на полную самокупаемость. Объединение в Нью-Йорке не может постоянно субсидировать издание.

Орган связи необходим.

Председатель ОКО в Париже, А. А. Геринг, в своем отклике на появление нашего журнала пишет: — «все что мы делаем в этой области, делаем НЕ ДЛЯ СЕБЯ и не для нашего старческого «успокоения», а ДЛЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ. Да ведают будущие строители новой России какова была старая и каковы были ее служители, когда волею судеб попали в эмиграцию... Нужно показать будущим поколениям, как мы жили, как мы в тяжелых условиях эмиграции, продолжали свою службу Отечеству...»

Читатели нашего журнала отлично знают как много важного и интересного должно быть написано о наших Корпусах для истории, для будущего, для будущей России.

Присылайте в свой журнал свои воспоминания и интересные документы и сведения из нашего прошлого, поддерживайте и распространяйте журнал, способствуйте его развитию и расширению.

Материала много, а времени мало — итак уже пропущены десятилетия без историко-литературного сборника в котором могла бы быть собрана история наших Корпусов.

Многих деятелей и свидетелей славной истории зарубежного периода жизни Кадетских Корпусов нет уже в живых, а с ними ушли в могилу и важные свидетельские показания, воспоминания и просто факты из жизни.

«Кадетская Переключка» ждет вашего сотрудничества и поддержки, она на это имеет право. Она НУЖНА!

Павел Олферьев

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА

Девятого октября этого года исполнится 38 лет со дня безвременной и трагической кончины Короля Югославии Александра.

Переносясь мысленно к светлому образу покойного короля-рыцаря, я хочу поделиться с читателями «Переключки» некоторыми сведениями известными лишь немногим. За рубежом Русь, признательная его памяти, не имеет возможности возложить цветы на столь дорогую и духовно нам близкую могилу, скрытую за железным занавесом. Пусть же незримые цветы, орошенные слезами печали и признательности преданному другу императорской России, будут цвести, не увядая в душе каждого русского патриота.

Перелистывая обрывки воспоминаний далекого прошлого, вспоминается 1925-26 года — город Сараево, в Боснии, где в описываемое время находился Русский Кадетский Корпус, составленный из эвакуированных остатков Одесского, Киевского и Полоцкого корпусов. Их Величества Король и Королева имели обыкновение в конце Великого поста временно покидать столицу и праздновать Светлый Праздник Христова Воскресения в разных частях королевства в тесном единении со своим народом.

В упомянутом году Их Величества прибыли в Боснию на пятой неделе и остановились в Илндже, расположенной в тринадцати километрах от Сараево. Согласно намеченному плану, они должны были прибыть в город в Вербную субботу, следуя мимо «казарм короля Петра», в которых в то время размещался кадетский корпус. Распоряжением директора Корпуса генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича, Корпус был заблаговременно выстроен перед казармами на пути следования коронованных особ.

Находясь в строю, среди кадет, восторженно настроенных и с нетерпением ожидавших прибытия Венценосцев, я, как и все другие, заметил приближавшийся автомобиль, который, по повелению короля, замедлил ход и скоро остановился перед фронтом неподвижно стоявших кадет. Отсалютовав Их Величествам, генерал Адамович подошел с рапортом к королю после чего приложился к протянутой руке Ее Величества.

Король Александр поздоровался по-русски с кадетами и также на русском языке изволил беседовать с директором корпуса, расспрашивал его с интересом и в подробностях о жизни кадет, об их деятельности и нуждах. Дружное, несомлавленное ура сотен молодых голосов провожало благородного монарха, оказавшего широкое гостеприимство своим собратиям, лишенным родины.

Не следует забывать, что событие это имело место в то время, когда в югославянском парламенте раздавались настоячивые требования признания коммунистического правительства Советской России и установления с ним дипломатических сношений. В эту эпоху преступная советская власть была уже признана многими европейскими правительствами, переживавшими послевоенную политическую неустойчивость. Но югославянский Монарх был тверд и непоколебим в своей привязанности к той России, которую хорошо знал и где он, тогда еще Наследник-Регент, получил военное образование в стенах Пажеского Его Величества корпуса.

Через неделю после высочайшего объезда, в Великую субботу генерал Адамович был вызван по телефону Маршалом Двора, передавшим ему приглашение короля участвовать в Светлой Заутрене и розговенах. Из Сараево только пять лиц удостоились приглашения на это торжество, несмотря на то, что город этот являлся крупным административным центром. В это число пяти входили: 1. — Православный Митрополит, 2. — Командующий второй Армейской областью, 3. — На-

чальник дивизии, расквартированной в Сараево, 4. — Великий Жупан (губернатор) и 5. — Директор Русского Кадетского Корпуса.

Мы — русские беженцы в лице генерала Адамовича удостоились этой чести в то время, когда во всех странах мира на нас смотрели как на «бедных, нежелательных родственников, компрометировавших знатную родню».

Не безинтересны некоторые подробности встречи покойным Королем Великого праздника. У сербов Заутреня имеет место не в полночь, как у нас, а на рассвете. Обычая разговляться нет. Отсутствует также пасхальный стол и никто не христосуется. Но Король Александр не забыл русских обычаев и традиций. У себя на родине он воскресил ту Светлую ночь, что жила в сердцах и памяти каждого русского мальчика-кадета, оторванного от Матери-Родины.

Вернувшись с пасхальной встречи, генерал Адамович подробно поделился своими впечатлениями со служебным персоналом и кадетами Корпуса. Заутреня у Его Величества совершалась в полночь. По ее завершении, упомянутые пять человек и чины свиты были приглашены на розговены. Пасхальный стол, по русскому обычаю, буквально ломился от традиционных куличей, сырных пасок, окороков, индюков и прочих снадобий нашей богатой кухни. Король христосовался по-русскому обычаю, наделяя каждого писанкой. Привезенная генералом Адамовичем королевская писанка бережно хранилась в корпусном музее, как драгоценная реликвия и святыня и оставалась там до вынужденного оставления Югославии в период Второй мировой войны.

Марсельское злодеяние тяжело переживалось всей Зарубежной Русью. Всюду, где только имелись духовные пастыри, служили панихиды; в некоторых храмах совершались ежедневные моления на протяжении всех сорока дней Печали. Потеря была тяжела и невознаградима. Не стало короля Александра, нашего *единственного защитника*, покровителя и попечителя, любившего нашу Родину не меньше нас самих.

Хочется верить, что и теперь, по прошествии почти сорока лет, в русских сердцах не умерла любовь и уважение к светлой тени убиенного Короля-Рыцаря, Короля-Мученика.

Преклоним колени и вознесем Всевышнему горячие моления об упокоении Его чистой и благородной души.

*Капитан П. Шеншин
Эконом Корпуса*

КОНСТАНТИНОВИЧИ.

Наша большая семья жила дружно — благодаря очень счастливому браку родителей. Опишу ее как могу.

**Отец: Великий Князь Константин Константинович:
1858 - 1915 гг.**

Сын Великого Князя Константина Николаевича генерал-адмирала, брата Императора Александра II. По окончании Морского корпуса служил на Флоте. Участвовал в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. и заслужил Георгиевский крест IV степени за взрыв, на брандере, турецкой канонерской лодки. Когда адмирал Дубасов награждал отца крестом, то сделал ему замечание, что отец недостаточно далеко отошел от места взрыва и рисковал попасть в бурун тонувшего судна. Отец же, по своей поэтической натуре, залюбовался красотой взрыва на заре. От прусского Короля, параллельно Георгиевскому кресту, получил орден Пур ле Мерит, как тогда полагалось между русским и прусским царствующими родами. — Отец был президентом Академии Наук и принимал деятельное участие в культурной жизни России. Имел, также, прусский орден Пур ле Мерит за искусство и знание. О его деятельности как генерал-инспектора русских военно-учебных заведений широко известно, особенно среди военных. — В 1876 г. отец и его младший брат, Димитрий Константинович, приняли участие в плавании эскадры под командованием Великого Князя Генерал-Адмирала Алексея Александровича в Северную и Южную Америку. Я видела записи отца и дяди в судовом жур-

Августейшая семья Е. И. В. Вел. Князя Константина Константиновича.

нале, сохранившемся у адмирала Нидермиллера в Берлине, в 30-х годах. — Морская служба была не по силам слабому здоровью отцу и он перешел в лейб гвардии Измайловский полк. Затем командовал лейб-гвардии Преображенским полком. В Измайловском полку учредил «Измайловские досуги» — литературные собрания и вечера, под девизом «за доблесть, добро и красоту». У меня сохранился жетон досугов. О деятельности отца как поэта и его драме «Царь Иудейский» также широко известно.

**Мать: Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна,
Принцесса Саксен-Альтенбургская, Герцогиня
Саксонская: 1865 - 1927 гг.**

Всегда ровная, с большим чувством юмора, поэтическая натура. Всей душой полюбила Россию. Много занималась бла-

готворительностью и стояла во главе Синего Креста — опека над сиротами и бездомными детьми. Во время Первой мировой войны заботилась о раненых, имела в Павловске свой лазарет. Также, по возможности и несмотря на очень трудное и деликатное положение, не забывала немецких военнопленных. Ее такт и мудрость могли быть примером многим.

Мы, дети: Иоанн: 1886 - 1918 гг.

Первого кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища. Вышел в лейб-гвардии Конный полк, по семейной традиции. Женился на сербской принцессе Елене Петровне, сестре Короля Александра Югославии, Объединителя. Их дети: Всеволод, родился в 1914 г. Живет в Лондоне с третьей женой, англо-датчанкой. С двумя первыми женами развелся. То были англичанка лэди Мэри Лиггон и венгерка. Детей нет. — Екатерина родилась в 1915 г. Вдова итальянского дипломата, марчезе Руджиеро Фараче делла Форреста. У нее две дочери и сын, семейные. Много путешествует.

Иоаннъ был особенно религиозным человеком. Любил церковную музыку и имел свой церковный хор, который между прочим участвовал в драме К. Р. «Царь Иудейский». В последние годы своей жизни был рукоположен в иподиаконы. Я помню его звонкий, серебристый смех. На фронте Иоанн заслужил Георгиевское оружие. Убит в Алапаевске * 16-го июля 1918 г. Елена Петровна умерла в 1962 г. Она последовала за Иоанном в ссылку. Уехала накануне алапаевского злодеяния навестить своих детей, но по дороге была арестована и 6 месяцев провела в тюрьмах; по протекции норвежского короля, который через Красный Крест занимался сербами, была освобождена и приехала к нам в Швецию, где мать, брат Георгий, ее дети и я тогда жили. Мы надеялись узнать судьбу братьев, но первый вопрос моей невестки при встрече был: «где мой муж?» На следующий день она прочла описание убийства в Алапаевске в газете. Елена Петровна написала свои воспоминания о ссылке и своей судьбе в швейцарском журнале.

---

*) Алапаевск — город на Урале, где содержалась большевиками под арестом группа Членов Императорской Фамилии (более 14 человек) во главе с братом Государя Вел. кн. Михаилом Александровичем. Все были расстреляны. **Прим. Ред.**

Гавриил. 1887 - 1955 гг.

I Московского Екатерининского корпуса, Николаевского кавалерийского Училища. Вышел лейб-гвардии в Гусарский Его Величества полк. Слушал курсы Академии Генерального Штаба. Всегда увлекался всем военным. Был шефом старшего — Его Высочества — класса корпуса-лицей имени Императора Николая II в Версале. Женат был два раза: сперва на Антонине Рафаиловне Цестеровской, балерине Императорского Балета. Она спасла ему жизнь, когда брат во время революции сидел в тюрьме — через жену Максима Горького. Они выехали в Финляндию и жили затем в Германии и Франции. Овдовев, Гавриил женился вторично, на княжне Ирине Иоанновне Куракиной, проживающей в Париже. Моя невестка стоит во главе Русского Красного Креста старой организации. Оба брака были очень счастливыми. Брат написал свои воспоминания и книга названа «В Мраморном Дворце». Он так ждал ее выхода, но, увы, она вышла из печати три месяца после его смерти.

Татиана: родилась в 1890 г.

Первым браком вышла за-муж за князя Константина Александровича Багратион-Мухрапского, кавалергарда. В начале войны он хотел скорее попасть на фронт и с несколькими своими однополчанами перешел в лейб-Эриванский полк и был убит под Перемышлем в 1915 г., за две недели до смерти нашего отца. От этого брака у сестры моей двое детей: ваш однокашник Княжеконстантиновец Теймураз и Наталья, Маринская Донская институтка. Сестра хотела дать своим детям русское воспитание и отдала их в корпус и институт. После смерти мужа сестра поселилась у младшего брата отца, великого князя Дмитрия Константиновича. Во время революции разделяла с ним ссылку в Вологде. Когда их, вместе с Великими Князьями Павлом Александровичем, Николаем и Георгием Михайловичами вернули в Петроград, адъютант «дяденьки» Дмитрия Константиновича, Александр Васильевич Короченцов, вывез сестру с детьми через Киев-Одессу-Букарест в Швейцарию и все время очень о них заботился. Моя сестра вышла за-муж за Короченцова, но этот брак длился только 3 месяца и Короченцов скончался от паралича сердца вследствие дифтерита в 1922 г. Когда Теймураз и «Натуся» кончили

Игуменя Тамара

школы и сделались самостоятельными, сестра моя в 1946 г. постриглась в монахини и постригал ее Блаженнейший Митрополит Анастасий, под именем Тамары. Она уехала в Иерусалим и сперва монашествовала в Гефсимании. С 1951 г. она игуменья Вознесенского Елеонского монастыря. Матушка Тамара всегда была особенно религиозной и мечтала о монашестве с отроческих лет. — Теймураз, по окончании корпуса пошел в Югославянскую Военную Академию и вышел в гвардейскую артиллерию. Женится на внучке известного сербского премьер-министра Н. Палича, Екатерине Рачич. Она скончалась уже после Второй мировой войны. Теймураз переехал в Нью Йорк и работает в Толстовском Фонде. Женится второй раз на графине Ирине Сергеевне Чернышевой-Безобразовой. — «Натуся» живет в Лондоне. Ее муж, сэр Чарлс Джонстон, английский дипломат, в отставке с 1971 г. Его последний пост был в Австралии, как Высочайший Коммпсар Ее Величества Королевы Английской.

Константин. 1890 - 1918 г.

(По старому стилю. По новому Константин родился в 1891 г.). Нижегородского графа Аракчеева и Пажеского Его Величества корпусов. Вышел в лейб-гвардии Измайловский полк, по желанию отца. Во время войны 1914-1918 гг. спас полковое знамя и был награжден орденом св. Георгия IV степени. Помню, как он пришел к завтраку, приехав в отпуск, и пошел к больному отцу, явиться. Меня от радости и волнения душили слезы: «у Кости Георгий!»! Он был моим крестным отцом, очень заботливым. Отличался большой добротой и шармом и характером скорее походил на мать. Погиб в Алапавске.

Олег: 1892 - 1914 гг.

Полоцкого корпуса. По собственному желанию поступил в Императорский Александровский лицей. Имел пушкинскую медаль и был в лицее «генералом от музыки», 49 курса. Шел по стопам отца, увлекаясь литературой. Вышел в лейб-гусары. В 1914 г., через две недели после начала войны, был смертельно ранен в атаке во время разбега. Фельдшер не мог, или не решился оперировать и Олега перевезли в Вильно, где он умер от гангрены. Родители приехали за 20 минут до его смерти. Он был еще в памяти и так обрадовался привезенному ему отцом георгиевскому кресту. Крест дедовский. «Крестик Анпап» сказал он, растроганный. По его воле, хоронили Олега в нашем имении Осташево, московской губернии. Я остро переживала смерть любимого брата. Но на похороны меня не взяли, несмотря на все мольбы и мои, и моей английской воспитательницы. Отчасти по недоразумению, отчасти считая, что я в 8 лет мала. Это было двойное горе. Если бы Олег жил, то несомненно был бы талантливым писателем и поэтом. Но, Богу виднее, он также мог погибнуть во время революции . . .

Игорь: 1894 - 1918 гг.

Петровско-Полтавского корпуса, Пажеского и Елисаветградского Кавалерийского училища. Лейб-Гусар. Всегда живой, веселый, остроумный, готовый на шалости. Во время Первой Великой войны чуть не потонул в Мазурских болотах, когда полк попал в окружение. Его спасли, а конь пропал: Игорь не мог забыть отчаянный взгляд тонувшей лошади и крестил ее. Вообще, был большим лошадиником. И он, с Иоанном и

Константином погиб в Алапаевске. На фронте заслужил Владимира IV степени с мечами и бантом и Георгиевское оружие. Помню, как Королева Эллинов, Ольга Константиновна, старшая сестра отца, поцеловала темляк: я удивленно спросила: «тетя Оля, что ты делаешь?» Она ответила, что прикладывает к Георгиевскому темляку.

Георгий: 1903 - 1938 гг.

Родился в день своих именин, 23-го апреля/6-го мая, на Георгия Победоносца, день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Федоровны. Если бы родилась девочка, конечно была бы названа Александрой, в честь Государыни. Почему-то девочки Александры у нас в семье умирали и потому родители были очень облегчены, что родился сын. Зачислен был, как все братья, в кадетский корпус, Орловский-Бахтина. Отец зачислял моих братьев в Корпуса по старшинству Корпусов. — Георгий, как все братья, учился дома. В корпуса они иногда ездили на экзамены и Георгий был в Орле на приемном экзамене. По малолетству не успел стать знаменщиком, как старшие братья, не успел и служить в войсках. Отцу хотелось бы, чтобы он вышел на флот. Препятствие — неспособность к математике, как у всех нас. Даже и у отца. В 1918 г. Георгий с нашей матерью, племянниками Всеволодом и Екатериной и со мной выехал в Швецию. Оттуда в Бельгию, Брюссель. Из Брюсселя его послали в Швейцарию, лечить слабые легкие. За ним там присматривал граф Шуленбург. Из Лозанны Георгий самостоятельно уехал в Лондон и там работал в фирме по внутренней декорации домов. В 1929 г. переехал в Нью Йорк. Здесь ему было очень не легко. Работал одно время у Сакса на Пятом авеню, смотрителем одного из отделений магазина. Встретился с одним выходцем из России, Винсентом (фамилия переделанная на американский лад) и с ним занимался делом импрессарио, по балетной части. В 1938 г. скончался от перитонита, вследствие гнояного заражения слепой кишки. Не вовремя пошел к доктору в Нью Йорке: Поехал на своем автомобиле из Ньюпорта, Род Ай-ланд. В пути, вероятно, аппендицит и прорвался. Болел два месяца. Перенес операцию удаления слепой кишки и две операции перитонита. О нем заботились в то время князь и княгиня Чавчавадзе. Княгиня Нина Георгиевна наша родственница. По отцу — троюродная сестра; по матери двоюродная

Перенесение праха Е. В. Князя Георгия. Около креста стоят: Е. В. Княжна Вера и Князь Теймураз Багратион-Мухранский.

племянница. Ее мать, Александра Георгиевна — дочь сестры отца, королевы Эллинов Ольги Константиновны и Короля Греции Георга I (брата Императрицы Марии Феодоровны). Отец ее наш двоюродный дядя, Великий Князь Георгий Михайлович. — Погребли брата на кладбище Моунт Оливетт, Маспет, Лонг Айланд. По моем приезде в Америку я перенесла его останки на монастырское кладбище Ново-Дивеево, где он и покойся теперь. — Георгий был очень самостоятельного и чувствительного характера. Революция сильно на него подействовала. Он часто говорил, что не хочет жить и умрет молодым. Так это и было. Уехав из Швейцарии в Англию и став самостоятельным, он просил нашу мать его не поддерживать и помощь не присылать. — У него было много шарма и здесь в Америке его очень любили.

Наталия: 1905 г.

Родилась 10-го марта, крещена 10-го апреля, умерла 10-го мая, от мучительного менингита. В свои памятные дни посылает подарки в Елеонскую и Гефсиманскую обители. . . . Во всяком случае в эти дни монастыри получают неожиданные дары и даже ждут их . . .

Вера. 1906 г.

Хотели назвать меня Марианной, в честь старшей и любимой сестры моей матери, царствующей княгини Шаумбург-Липпе, одного из самых маленьких княжеств Германии. Они были погодками и росли, как близнецы. Сестра моего отца, Вера, герцогиня Вюртембергская, очень огорчалась, что маленькую сестрицу Натусю не назвали ее именем. Поэтому Верой называли меня. Родители особенно радовались рождению девочки, после стольких братьев и смерти «сестрицы Натуси». Мопми воспитанниками при крещении были Государыня Александра Феодоровна и брат Константин. — В мое время родители жили в Павловске, из-за здоровья отца. Летние месяцы проводили в имении Осташево, московской губернии, на стыке Звенигородского, Волоколамского и Можайского уездов. Это маленькое имение в 300 десятин отец купил, чтобы показать нам, детям, русскую деревню. В Осташеве мои любимые детские воспоминания; привольная деревенская жизнь, верховая езда, гребля на реке Рузе, той самой, которую Лев Толстой упоминает в «Воине и Мире», описывая Бородинское сражение. Имение красиво расположено на правом, крутом берегу реки. Большой одичалый парк. На левом берегу Рузы розовая церковь с синими куполами. Утром меня будил трезвон. В последний раз мы ездили в Осташево летом 1916 г. У меня было какое-то предчувствие, что это последний раз . . . Бегала на могилу Олега в парке и по лесам строящейся церкви, недалеко от дома, под алтарем которой должен был быть погребен Олег. Церковь не достроили из-за революции. Большевики не то ее снесли, не то устроили в ней склад. Могилу Олега перенесли на кладбище, не уничтожили. Когда Сталин ввел ордена и погоны, дом починили и устроили в нем музей памяти К. Р., как национального поэта. В имении совхоз. — Зимы 1912-13 и 1913-14 года родители проводили в Египте, где отец лечился. Во время их отсутствия о нас двух младших заботилась Государыня и часто вызывала нас в Царское село, что в трех верстах от Павловска. — На лето 1914 г. родители с Георгием и мною поехали в Германию. Отец лечился в Бад Вильдунгене и Бад Наухейме. Мать с Георгием и мною гостила в Бюкебурге, Шаумбург-Липпе (столице Княжества). Затем ездили в Висбаден, к известному тогда главному врачу профессору графу Визеру, чтобы показать ему мои глаза. Я родилась очень близорукой — наследствие со стороны отца. Затем мы довольно долго жили

в Бад Либенштейне, где проводила лето наша материнская бабушка, принцесса Моритц Саксен-Альтенбургская. В этом маленьком городке герцогства Саксен-Мейнинген (бабушка была родом из Саксен-Мейнингена) были лечебные ванны и профессор Визер имел там виллу. Я проходила курс его особого лечения, не признанное алопатами. У него своя особенная школа. У него же лечилась тетя Ольга. (Не в то время, а вообще). — Пахло войной, но отец не верил то усиливающимся, то слабеющим военным слухам, пока не пришла телеграмма от «Дяденьки», Дмитрия Константиновича, о мобилизации **. Отец присоединился к нам в Бад Либенштейне. Накануне нашего отъезда за ужином сидели: адъютант отца, кн. Владимир Александрович Шаховской, наш француз м-сье Бальи-Конт, моя англичанка, Мария Васильевна Эджлей и фрейлина бабушки, Фрау фон Пленкнер. На следующий день поехали на автомобилях на железнодорожную станцию Иммельборн, чтобы взять скорый поезд на Берлин. Нас остановили. В Германии царил шпиономания и в автомобилях видели русское золото. На вокзале немцы ворчали, увидя русскую надпись на матросской фуражке Георгия («Потешный» — название катера Преображенского полка, мы все носили такие фуражки, девочки тоже). Ленту перевернули, но она просвечивала. В Берлине к нам присоединился другой адъютант отца, Сипягин, со своей матерью, а в Кенигсберге княгиня Волконская. Это задерживало. Немцы, понятно, хотели интернировать отца. Мать объявила, что останется с ним. Заступилась германская Императрица Августа-Виктория и нас пропустили. В пограничном городе Ейдкунене (Восточная Пруссия) провели ночь. Вокруг вагоны, прусские часовые: помню крупную цифру 33 на их остроконечных касках в защитных чехлах. Окна велели открыть. Лишь у нас детей разрешили закрыть и затянуть занавески. Кормили черным хлебом и молоком. Утром, ротный командир, лейтенант Миллер, или Мейер, до тех пор вежливый, стал грубить и называть нашу мать «милостивая госпожа» (гнедиге фрау). Нас посадили в автомобили: родителей, Георгия и меня в первый, Эджлей, Бальи-Конта, Шаховского и камеристку матери во второй. Сипягина и камердинера отца

***) Несмотря на то, что многое из печатаемого ниже было напечатано в статье «Мой Отец» в № 2 Переклички — повторяем более подробное изложение с новыми данными. Прим. Ред.

Фокина задержали, как и большой багаж, сказав, что они последуют за нами через 10 минут. Занавески в автомобилях спущены, рядом с шофером солдат с винтовкой: велено не открывать занавески, иначе будут стрелять. Мы с Георгием все же поглядывали, чуточку отодвигая занавески и пугали мать. Отец, как всегда, был спокоен. Внезапно остановились. Солдат рванул дверь, испуганно сказав «казаки идут». Нас высадили. Стали ждать Сипягина и Фокина, на обочине дороги. Мимо нас проходили прусские беженцы со своим скарбом и повозками. На другой стороне дороги стоял крестьянин в белой рубашке, растопыря ноги, перед своим домом. «Вы лучше уходите», советовал он, «казаки идут». Я на него смотрела и думала: если бы ты знал, что мы принадлежим к этим казакам... Он потом исчез. Ждем 20 минут, пол часа, два часа. Никто из наших не появляется. Мать говорит, что прусский офицер держит свое слово и мы все ждали. В итоге Сипягин провел в плену всю войну, а Фокин вернулся в Россию, по возрасту, слишком пожилому для военной службы. Мимо нас проехал наш русский пикет. Затем появилась часть. Шаховской замахал чем-то белым, кажется рубашкой. Приближаемся. То были Новороссийские драгуны. Корнет Лепеха (живущий теперь в Вашингтоне, с семьей) сперва не узнал отца, потом не мог понять, как русский великий князь неделю после объявления войны мог оказаться в прусской канаве??? Нас проводили в Вержбалово. Вокзал полу-сгоревший. Говорили, что начальник станции со страху его подпалил. Грязь, беспорядок. В ванне под краном широкая черная полоса, как чернила. Сидели в царских покоях, ели солдатский хлеб и колбасу. Кисленький хлеб мне не нравился. С каким удовольствием поела бы я его теперь... В вагоне третьего класса поехали в Ковно. Мы с братом бегали и резвились. Нас остановили: «Папа спит». Отец отдыхал в купе вагона. В Ковно станция переполнена беженцами. Удручающая картина. Там стоял поезд Императрицы Марии Феодоровны, ожидая ее. Старый императорский поезд. Получили разрешение им воспользоваться: Государыня вернулась в Россию через Данию. Я спала в купе Наследника. Уютный поезд (серебро и голубой). Так мы вернулись домой в Павловск. Братья были уже на фронте. Их благословила, за мать, великая княгиня Мария Павловна старшая. — Через две недели пришла телеграмма о ранении Олега. Много лет с тех пор я боялась телеграмм, теперь же мне просто неприятно их получать. Мать носила траур серый,

как по павшем за Родину. Вообще же при дворе траур был, конечно, черный: на Пасху и Рождество белый, а в двенадцатые праздники серый. — В 1915 г. пал смертью храбрых мой шурич Багратион и скончался мой отец, о чем я писала раньше и была единственной свидетельницей его кончины. — В 1916 году мать с Георгием и мною переехала на жительство в Мраморный дворец в Петрограде; предоставила Павловск Иоанну, которому, как старшему сыну, он перешел. Павловск — майорат, то-есть владение, переходящее от отца к старшему сыну. Кроме того, дворец надо было топить, живут ли в нем, или нет, чтобы не портился мрамор. В Петрограде нас застала революция. Мы оставались во дворце до лета 1918 г. На втором этаже главного флигеля расположилось большевицкое министерство (или уже комиссариат?) не то внутренних, не то иностранных дел. Надо было уходить. Нас, понятно, боялись брать к себе. Нашли квартиру у Жеребцовых, через дом от дворца: между Мраморным переулком и Американским (ранее турецким) посольством. Мать не хотела уезжать из России, памятуя слова отца, что если Россия в нужде, то Русский Великий Князь ее не покидает. Становилось все опаснее. Георгию было 15 лет, а на вид 16 и его могли мобилизовать в красную гвардию — или хуже. У нас был ночной обыск. В те дни пришел к матери шведский посол Брандстрем с письмом от шведской королевы Виктории, Баденской принцессы, с которой мать была дружна. Посол довольно долго не приносил этого письма, с приглашением выехать в Швецию. (Дочь посла, Эльза, работала в шведском Красном Кресте, заботилась о наших раненых и немецких пленных и написала очень не лестную книгу о России). Через 6 недель мы выехали. На предпоследнем шведском пароходе «Онгерманланд». Советы в то время боялись иностранцев. Хлопоты шведов и протестантского епископа в Петрограде, Фрейфельд, увенчались успехом и нам удалось уехать. (Мать не перешла в православие. Ее отец был ярый протестант и взял с нее слово остаться протестанткой, что в 80-х годах прошлого столетия было возможно). Выехали мать, Георгий, я, племянники Всеволод и Екатерина, их ирландская бонна, управляющий двором матери, бывший адъютант отца князь Шаховской с женой и камеристка матери, Эмма Карловна, «Атта» Шадевитц. Бонну не хотели брать на нейтральный пароход, но ее сделали ирландкой Южной Ирландии (она была из Ульстера) и пропустили. На каждого из нас полагался один сундук. На пристани все осматри-

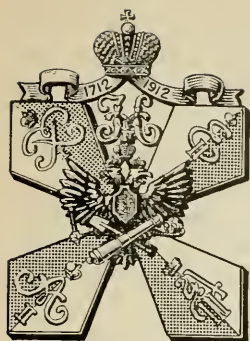
вали, запретили вывозить серебро и золото. Даже осматривали медную оправу моих очков. В домике на пристани сидел человек, играл карандашом и бормотал по французски, чтобы мать не подписывала какой-то бумаги, своего смертного приговора. Мать что-то нацарапала. Из-за нас пароход задержался на 2 часа. До Кронштадта, где мы стояли ночь, с нами путешествовал комиссар, не уплативший за переход. Шаховской говорил, что это была самая страшная ночь его жизни. Совет в Кронштадте мог нас опять снять с парохода. На следующий день пошли в Ревель. Там подошел заслуженный, выдавший виды немецкий миноносец. Мою мать приехал проведать комендант Ревеля, немецкий генерал фон Зеккендорф, саксонец, с которым мать играла в детстве. Георгий заложил руки за спину и не пожелал здороваться с «поганым немцем»; я кисло подала ему руку и убежала. Впрочем, после довольно бурного перехода (зеленая вода, крупные барашки, яркое солнце, красота. Качало.) пришли в Гельсингфорс. Там свирепствовала испанская инфлюэнция и нас не пустили на берег. Любовались освещенным городом. На следующий день часа на два остановились в Мариагамме. Туда приехал представитель генерала Маннергейма, президента Финляндской республики, чтобы говорить с матерью. В финских шхерах стоял густой туман и мы вместо 4-х дней шли 8. Провизия портилась, котлеты были сладкие. Раз во время обеда поднялась суматоха: задела якорем электрический кабель. С нами в первом классе был советский агент: мы его прозвали — по одежде — «клетчатые панталоны». Он не стесняясь говорил за столом, что, мол, «если бы не убили товарища Урицкого, этих поганных Романовых никогда бы не выпустили». — В Стокгольме нас встретил шведский Кронпринц, дед нынешнего короля. В это время «клетчатые панталоны» выгружал кипы советской пропаганды... Мать предупреждала короля, но ей не верили, считая ее напуганной революцией... В Швеции мы оставались до 1920 г. Стало дорожать и мать решила уехать в Бельгию. Во время коронации 1896 г. представителем Бельгии приезжал принц Альберт, будущий герой Король Альберт I бельгийский (Первая мировая война). Он очень понравился отцу, который говорил, что если придется покинуть Россию, хорошо бы выехать или в Бельгию, или же в Аргентину, где отец был молодым моряком. Мать написала королю, который ответил, что если парламент позволит, то можно приехать. Шаховской глумился: вот так король, который должен спрашивать

разрешения парламента. Нам позволили прибыть в Брюссель. Там мы все время болели. Король на нас обращал мало внимания, вероятно потому, что мать была немка. А ведь королевский дом Бельгии тоже немецкий, Саксен-Кобург-Гота и в гербе саксонские знаки... В 1922 г. брат матери, Герцог Эрнст II Саксен-Альтенбургский, просил мать переехать в Альтенбург, во дворец Принценпалэ, флигель огромного замка, стоявшего на порфировой скале, чтобы в него не поселили чужих людей. В Германии не хватало квартир. Я последовала через пол года, после перенесенной очень сильной стрептококковой ангины. Вследствие германской инфляции и недоедания у меня появился туберкулез легочных корней, хилуса. Лечилась в баварском Альгее, Оберстдорфе. — Мать скончалась от рака в 1927 г. Я с «Атта» затем два года жила в Лондоне, где тогда еще жил Георгий. Англия страна дорогая. Вернулась в Альтенбург. Отчасти из-за старой «Атта», которая была родом из Альтенбурга и уехала в Россию с матерью в 1884 г. Я хотела, чтобы она последние годы жизни провела у себя на родине. Она скончалась в 1944 г., на 85-том году жизни, впадши в детство. — Скоро после начала Германо-Советской войны меня просили быть переводчицей при наших «остарбейтерах». Сперва на нескольких заводах, потом на одном большом заводе. Гестапо не нравилось мое отношение к своим русским. В сущности бесподданные не могли работать переводчицами, но не хватало немцев. Меня перевели в почтовое отделение лагеря, в котором было 9 наций. По объявлению тоталитарной войны попала на сам завод. Не хотела освободиться: чтобы не думали, что я увиливаю. Посмотреть, как живут рабочие не вредно. О моем освобождении с завода и других подробностях могу рассказать как-нибудь отдельно. — Ходили слухи о приходе красной армии. В те дни неожиданно появился у меня князь Павел Александрович Чавчавадзе, муж Нины Георгиевны. Князь Чавчавадзе во время II Мировой войны был капитаном американского Красного Креста и заботился о военнопленных, Дп-Пи и концлагерниках. Увидел на шоссе надпись Альтенбург и решил проведать тот ли это самый, где я жила. Я просила его помочь выбраться. Он не был уверен в своих возможностях. Тут меня предупредили, что надо готовиться к уходу. Не долго думая, мой двоюродный брат принц Фридрих-Эрнст Саксен-Альтенбургский и я ушли через пол часа. Шли в Баварию, к его знакомым. 240 километров в 12 дней, из конх я два дня лежала, растерши пятки ног до крови.

Придя на место, пятки, особенно левая, заживали 6 недель. Снова пахло войной и мы оба решили навестить как можно больше близких людей и разъезжали по всей южной Германии. В конце концов 5-го января 1946 г. я попала в Гамбург. До 1949 г. работала переводчицей у англичан. Наше 139-ое отделение заботилось о больных Ди-Пи. По его демобилизации работала в Ди-Пи Медикал Сентер и аптеке. Скоро ее закрыли и я была в приемной в другом британском учреждении. В 1951 г. прилетела в Нью Йорк, вместе с четой Влесковых, родителями отца Глеба, которых знала по Берлину. Влесков офицер Ингерманландского гусарского полка. Покидала я Россию на шведском пароходе Онгерманланд, сиречь Ингерманландия, а из Германии улетела с офицером Ингерманландского полка... В Нью Йорке сперва 6 месяцев работала в Толстовском Фонде. Затем болела. В ноябре 1952 г. поступила в «Общество Помощи Русским Детям за Рубежом» и оставалась там до 1969 г. Контора «Детского» Общества находится в полу-подвале главного здания американской Митрополии, Свято-Покровском Соборе. Оставаться там стало невозможно, а переехать в другое помещение Общество (Главное его Правление) не может, не находя дешевой канцелярии. До 1971 г. я помогала в Попечительстве о нуждах Русской Православной Церкви за Рубежом и сейчас еще пишу там письма, когда надо. — В апреле 1971 г. вышла на пенсию. — Добрые люди помогли приобрести дом в Ричмонде, штат Мейн. Он завещан ОЖО, но думаю, что унаследуют его Зарубежные кадеты.

Вот нескладная история нашей семьи. Много радости, много горя. На все воля Божия. Слава, Тебе, Господи, за все.

2-й КАДЕТСКИЙ
ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКОГО
КОРПУС.

Вернувшись из своего заграничного путешествия, Петр Великий основал в Москве, в 1701 г., Школу Математических и Навигацких наук, будущий Морской Корпус. Школа эта помещалась в Сухаревой башне. 16 января 1712 года, также в Москве, Царь основал Инженерную Школу. В царском указе Сенату было предписано набрать 100-150 учеников, из коих две трети дворянских недорослей, но несмотря на это, учеников было всегда меньше. В указе Сенату было сказано: «Для обучения «цифрии» приискать мастера из русских, или же посылать их на башню. По окончании арифметики, учить их геометрии, насколько нужно для инженерства, а потом отдавать инженеру учиться фортификации». Таким образом, вначале, обучение частично шло в Сухаревой башне, где находилась и школа Математических и Навигацких наук.

17 марта 1719 г. Петром Великим была основана в С. Петербурге Инженерная рота, под начальством инженера полковника де Кулон. В нее было предписано перевести всю Инженерную Школу из Москвы, где она была закрыта. В 1722 г. в С. Петербурге была создана другая Инженерная Школа, начальником которой был назначен инженер капитан Гольцман. Спустя короткое время, эта вторая школа, а также и другие, или упраздняются, или соединяются со школой (ротой) де Кулона, которая продолжает свое существование без перерывов.

Все ученики зачислялись рядовыми, а потом, по заслугам, и после приобретения знаний, получали чины и дальнейшее производство в инженерные офицеры. Они жили на вольнонаемных квартирах, получали в год 11 руб. жалованья и казенную одежду — камзолы, чулки, башмаки и др. Дворянские

недоросли привозили нередко с собой крепостных дядек, которых содержали на свой счет.

В 1724 г. школа была переведена в построенный для нее казенный деревянный дом на Петербургской стороне, на берегу р. Ждановки. Ученики были поселены в том же доме и, отныне, им было запрещено иметь при себе своих дворовых людей. Участок земли, на котором был построен этот дом, принадлежал графу Миниху, но в 1733 г. перешел в собственность школы. На этом же месте было в 1795 г. построено постоянное каменное здание, в котором корпус уже и оставался до конца своего существования.

Режим в школе был установлен очень строгий, ученики несли караулы и всю солдатскую службу, находясь на солдатском положении. Средства отпускались скупно, одежду выдавали на долгие сроки в 1-2 года. Был лишь один учитель для всех наук, которому помогали лучшие из старших учеников. Регулярных выпусков не было, выход из школы и дальнейшее производство зависели от успехов в учении. Выпускали кондукторами в инженерные команды, или капралами и сержантами в Минерную роту. Каждый инженерный офицер, которого командировали на работу в разные места Империи, требовал себе в помощь учеников школы и многим приходилось проводить иногда долгие месяцы на этих практических работах.

Что касается артиллерийского обучения, то имеются сведения, что первая артиллерийская школа была основана в Москве, еще в 1698 г., но о ней никаких достоверных данных не известно, как и о многих других в следующие годы царствования Петра Великого. Первые точные сведения появляются с 1712 г., когда 6 и 9 марта, двумя Высочайшими указами Сенату было предписано набрать 20 дворянских недорослей и отдать их ген. майору от артиллерии Гинтеру в артиллерийскую науку. Повидимому, это и положило начало артиллерийской школы.

13 марта 1722 г. была основана Артиллерийская Школа при С. Петербургском Лабораторном Доме. В следующие годы появились еще и другие подобные школы в Петербурге и в Москве. Независимо от самостоятельного существования этих школ, часть учеников была прикомандирована к Инженерной Школе, для обучения «инженерству и артиллерийским чертежам». Но в течение всей первой половины 18-го века, самостоятельные артиллерийские школы постепенно вливались в Инженерную или же упразднялись.

По смерти Петра Великого, при его преемниках и вплоть до 1758 г., Школа то была в загоне, то о ней вспоминали снова; средства отпускались скупо, курс обучения не прогрессировал, число учеников менялось, воспитательной работы не велось. Ученики голодали и часто ходили в драпой одежде, а некоторые и без башмаков. Часто практиковались отпуска в деревню к родителям, где ученики иногда оставались долгое время, просрочивая свой отпуск. В 1739 г. было обнаружено, что трое учеников женились в отпуску; это привело к запрещению подобных браков, с угрозой отдать виновных на 3 года в каторжные работы.

Наказания за провинности были суровыми: за крупные проступки наказывали розгами, за небольшие — «фухтелем» (рапира обшитая сукном), а безнадежных к исправлению переводили в артиллерию рядовыми или унтер-офицерами.

В течение всех этих лет Инженерная Школа находилась в ведении канцелярии Гл. Управления Артиллерии и Фортификации, а непосредственное начальство принадлежало генерал-фельдцейхместерам, которые менялись после каждого дворцового переворота и мало интересовались школой. Но в 1756 г. школа поступила под особое наблюдение крестника Петра 1-го, генерал-инженера А. П. Ганнибала; в том же году, 31 мая, граф П. И. Шувалов был назначен генерал-фельдцейхместером, с подчинением ему Инженерного ведомства. При нем ген. Ганнибал ведал Инженерной Школой, а ген. майор Шульц — артиллерийской. Наконец, 22 августа 1758 г. обе эти школы были полностью и окончательно соединены вместе и Шувалов взял их под свое личное руководство.

Еще в 1756 г., по мысли Шувалова, было предположено преформировать школы в кадетский корпус, увеличить бюджет, поднять на должную высоту обучение, материальную часть и воспитание. Кончина Императрицы Елизаветы Петровны помешала проведению в жизнь этих реформ, но некоторые из них все же были осуществлены и в 1758-59 гг. положение было таково: учебное заведение именовалось «Дворянская Артиллерийская и Инженерная Школа», в которую принимали только русских и остзейских дворян. При ней имелась «Соединенная Солдатская Школа» для солдатских детей.

В течение короткого царствования Петра III, тем же графом Шуваловым был разработан проект о соединении в одно учебное заведение Морского и Сухопутного корпусов и Инженерной и Артиллерийской Школы, чтобы создать единый ка-

детский корпус на 900 кадет. Смерть Петра III, а вслед за ним и Шувалова, помешали проведению этой реформы и Екатерина II повелела оставить все без перемен. Но первый проект Шувалова не был забыт и 25 октября 1762 г. Императрица утвердила предложение ген. фельдцейх. Вильбуа о переименовании школы в «Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадетский корпус», с ротой солдатских детей при нем. Обучение длилось 5 лет: 3 года в кадетских классах и 2 года в офицерском.

Но несмотря на это, выпуски были все же не регулярными, а в зависимости от прохождения наук. Выпускали штык-юнкерами, инженер-прапорщиками и подпоручиками, но только в инженерные и артиллерийские части. Воспитанники офицерского класса, гл. обр. капралы и унтер-офицеры, исполняли учительские и воспитательные обязанности в кадетских классах. В 1784 г., по указу Императрицы, Корпус было повелено увеличить до 400 кадет, позже до 700, а Солдатскую роту, носившую также название «Школы Художеств», до 150, а позже до 250 мастеровых и мушкетеров; при этом, в этой школе были открыты отделы Инструментальный, Литейного и Чеканного дела, Машинный, Лафетный и др. В Солдатскую роту, за отсутствием вакансий в кадетских ротах, назначались сыновья обер-офицеров, а иногда и дворян. Воспитанников с выдающимися способностями к наукам, прикомандировывали к Кадетским ротам. Многие из них были потом корпусными офицерами, а также, одно время, преподавателями математики.

23 июня 1785 г. были пожалованы корпусу и освящены 3 знамени, одно белое и два голубых. В 1796 г. пожалованы были новые 4 знамени, одно белое и три голубых. В 1806 г. все эти знамена были сданы в арсенал, а в 1832 г. одно из них было возвращено для хранения в корпусной церкви.

После учреждения Павлом I особых юнкерских команд в войсках артиллерии, корпус утратил свое значение специального учебного заведения и 10 марта 1800 г. Император Павел I повелел корпусу именоваться 2-м Кадетским Корпусом. Одновременно, Сухопутный корпус получил наименование 1-го Кадетского Корпуса.

2-й кадетский корпус был батальоном 4-х ротного состава и имел одну гренадерскую и три мушкетерские роты. В 1811 г. гренадерская рота была разделена на два взвода: гренадерский и стрелковый. В 1817 г. к прежним 4-м ротам была добавлена 5-я резервная.

14 марта 1807 г. Император Александр I повелел, чтобы молодых дворян от 16 лет и старше, вступающих на военную службу, не определять юнкерами в полки, а присылать на счет казны в Петербург, в сухопутные кадетские корпуса. Вскоре после этого, Государь повелел принимать их во 2-й кад. корпус на тех же основаниях, на которых к нему были с 1806 г. прикомандированы кадеты Импер. Военно-Сиротского Дома и Горного корпуса. Число этих дворян достигло к 1808 году размера двух батальонов, первый из пяти, второй из шести сотен, носивших название Волонтерного Корпуса Дворян, а позже — Дворянского Полка. В дальнейшем, к этому полку были добавлены еще две гренадерские роты и кавалерийский эскадрон, в составе 215 чел. позже послуживший кадрам для формирования Кавалерийского училища. В июле 1807 г. рота Военно-Сиротского Дома была выведена из 2-го кад. корпуса, а Дворянский полк был от него совершенно отделен 1 янв. 1832 г.; дальнейшими этапами его жизни было переименование в Константиновский кад. корпус, затем во 2-е Константиновское Воен. Училище (пехотное) и, наконец, в 1894 г. — в Константиновское Артиллерийское Училище.

После кончины Великого Князя Михаила Павловича, 28 авг. 1849 г., бывшего Шефом 2-го кад. корпуса, Император Николай I повелел присвоить на вечные времена гренадерской роты 2-го корпуса имя своего усопшего Шефа. С 1907 г. до последних дней существования корпуса, 1-я рота именовалась ротой Его Высочества и имела на погонах накладные серебряные вензеля — букву «М» с короной. 2-я рота также именовалась ротой Его Высочества, имея своим Шефом Великого Князя Михаила Николаевича, бывшего с 1860 г. Глав. Начальником Военно-Учебных Заведений и Шефом корпуса. 2-я рота также носила на погонах серебряные вензеля с короной и буквой «М» немного иной формы. Это был единственный случай среди кадетских корпусов, чтобы 2-я рота носила накладные вензеля.

В эпоху Милютинских реформ при Императоре Александре II, все корпуса были переименованы в Военные Гимназии и 2-й корпус стал 2-й С. Петербургской Военной Гимназией. С 1882 г. всем корпусам были возвращены их прежние наименования и 2-й корпус снова получил свое старое имя.

Высочайшим приказом от 13 окт. 1907 г. корпус получил наименование 2-го кад. Вел. Кн. Михаила Николаевича корпуса. Наконец, 31 янв. 1910 г. Государь повелел отдать корпу-

су старшинство со дня учреждения 16 янв. 1712 г. Инженерной Школы в Москве, вследствие чего последовало Высочайшее соизволение на празднование корпусом 200-летнего юбилея в январе 1912 г. В день этого юбилея, прошедшего в исключительно торжественной обстановке, Государь пожаловал корпусу новое знамя и повелел именоваться 2-м кад. Императора Петра Великого корпусом. Корпус получил на погоны кадет и офицеров вензеля Своего Державного Шефа и Основателя, поверх которых 1-я и 2-я роты носили свои накладные серебряные вензеля, о которых было сказано выше. 3-я рота имела своим Шефом Фельдмаршала Светл. Князя М. И. Голенищева-Кутузова. В 4-й роте Шефа не было. До 1856 г. цвет погон корпуса был белый, а с 1856 г. и до конца — синий с алым кантом.

2-й кадетский корпус за 205 лет своего существования дал России много верных и преданных слуг Родины и Престола. Во главе их стоит имя Светл. Князя М. И. Голенищева-Кутузова, вып. 1759 г., будущего победителя Наполеона. После преобразования школы в корпус, в составе первых выпусков его окончили будущие генералы Трейлебен, Буксгевден, Корсаков и Меллер (оба буд. инспектора артиллерии) и др.; выпуска 1785 г. А. А. Аракчеев, буд. граф и всецельный временщик, затем большинство артиллерийских генералов войны 1812 г. и славные партизаны Дорохов, Фигнер и Сеславин, а также ген. от артиллерии Сухозанет (вып. 1803 г.) и многие другие. 2-ю С. П. Б. Воен. Гимназию окончил поэт Надсон, а в войну 1914 г. прославились воспитанники корпуса ген. Н. Н. Иванов и братья герои Панаевы, Лев, Гурий и Борис, все трое погибшие на поле брани и посмертно награжденные орденом Св. Георгия, а в Гражданскую войну ген. В. О. Капель, вып. 1904 г. К этому краткому перечню можно бы прибавить еще много имен, но размеры этого очерка не позволяют это сделать.

Здание корпуса, построенное большим четырехугольником, с обширным плацем внутри, выходило своим главным фасадом на Ждановскую улицу, против Петровского парка. Около подъезда, в стену была вделана мраморная доска с линией уровня воды и с датой великого наводнения 1825 г., описанного Пушкиным в «Медном Всаднике». С другой стороны, здание корпуса выходило на Б. Спасскую улицу, где были расположены Военные Училища — Павловское, Владимирское и Топографическое.

Павловское Военное Училище было связано с корпусом старыми добрососедскими узами дружбы, восходившей еще к началу XIX века, когда к корпусу была прикомандирована рота Импер. Военно-Сиротского Дома. Корпус называли 5-й ротой Училища и около половины выпускных кадет обычно выходили в него, по примеру отцов и дедов. Может быть эта старинная связь с «Павлонами» повлияла на то, что в семье российских кадет шла слава про суровую дисциплину 2-го корпуса и про строгую оценку знаний выпускных кадет, которых даже в артиллерийские училища принимали с 8-ю баллами по математическим наукам. И даже сами кадеты называли свой корпус «Ждановской Академией», а заодно уж и самих себя — «Ждановскими китами».

После революции в феврале 1917 г., 2-му кад. корпусу пришлось пережить, как и другим столичным корпусам и военным училищам, много тревожных и тяжелых событий, но о них следовало бы написать особо. Но, хотя осенью 1917 г. кадеты снова собрались в корпус после летних каникул, хотя сразу же начались занятия, октябрьская революция положила конец дальнейшему существованию корпуса. Сразу после нее было решено распустить кадет в отпуск сроком на один год и, один за другим, кадеты стали покидать и свой корпус, и Петроград. Небольшое количество оставшихся, сирот или не имевших возможности уехать, вместе с такими же остатками других корпусов, были переселены в Петергоф, где смогли просуществовать до середины 1918 г., но об условиях их жизни сведений не имеется.

Так кончил свое существование 2-й кад. Императора Петра Великого корпус, старое Петровское гнездо, старейшее из сухопутных военно-учебных заведений Императорской России.

А. Росселевич
б. кадет 2-го кадет. корпуса.

О НАШИХ ВОСПИТАТЕЛЯХ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ.

Я думаю, что наш журнал, «Кадетская Переключка», преследует две основных цели: писать о том кем мы были и кем стали. Для истории русского народа в ее любом издании, будь то советская энциклопедия или нормальная энциклопедия русского языка под литерой К — будет значиться термин «кадет» и производное от него — Кадетские Корпуса.

Для серьезных историков конечно найдутся все данные об основании, развитии и совершенстве достигнутом этими учебными заведениями, особенно под управлением незабвенного Великого Князя Константина Константиновича, но история корпусов не будет полна если в ней не найдется материала для последней, поразительной главы относящейся к деятельности зарубежных корпусов.

Следует нам, не только из сентиментальных чувств милых воспоминаний о нашей юности, запечатлеть все, что еще сохранилось в памяти у нас, стоящих «у последней черты», но и для истории как и для нашего осознания чем мы обязаны тем, что мы из себя представляем.

Многие из нас могут и должны поделиться с нами, остальными, своими воспоминаниями и о наших педагогах, которые содействовали формированию нашего сознания и о тех анекдотических событиях, происходивших в наших корпусах и в России и за рубежом. Естественно, что воспоминания будут носить личный характер, но этого не следует опасаться — тем глубже и теплее они будут.

Мне хочется здесь отметить трогательный факт нежной любви офицеров Императорской армии, окончивших свой Корпус, к своему гнезду в которое они с восторгом помещали своих подрастающих отпрысков.

Как результат этого факта последовательности поколений, сплошь и рядом случалось, что маститый преподаватель рисования Русанов, милейшая, но раздражительнейшая личность, кричал второкласснику Александровского корпуса, Бертельсу — «я и твоего отца Сашку за уши вытягивал из класса, и тебя выкину» — чего впрочем никогда не случалось и было только угрозой славного старика.

По странному стечению обстоятельств, во всех трех корпусах, где я учился в России, преподавателями математики были строгие, важные, седые как лунь, старики в чине действительных статских советников с величанием «Его Превосходительство». Александровский и Пажеский преподаватель, торжественный, пахнущий духами «Мюгэ», Михаил Викторович Соболев, учил моего отца и с успехом научил его, кончившего с нашивками инженерное училище, математике и всегда поражался моей бездарности к этой чистой науке. В Петровском Полтавском Кадетском Корпусе почти реликвией был «Его Превосходительство» действительный статский советник Данков. С убеждением могу сказать, что Провидение было милостиво к нам, сохранив эту кристальную личность во весь барачный период лагерной жизни Крымского корпуса, благодаря чему многие из нас с успехом прошли высшие и специальные школы.

Чувство героического, созидательного и воинственного патриотизма доводил до крайней степени в маленьких александровцах преподаватель русского языка, терский казак, статский советник Синюхаев. Это был крупный брюнет с усами и эспаньолкой, напоминающий Портоеса из «Трех Мушкетеров». Он обожал личность и творения Великого Петра и вся его грандиозная фигура изображала энергичные движения и вдохновения и героя Полтавы и спасение утопающего часового Великим Императором, а мы сидели как напряженные пружины, готовясь к тем жертвам во имя той России, что строил Великий Император о которой так поразительно говорил русский патриот и которые многие из нас потом принесли.

К счастью нашему в великом исходе с Родины с нами последовали на чужбину почти все педагоги и воспитатели нашего Сводного Полтавско-Владикавказского, в будущем Крымского Корпуса. В примитивных условиях жизни лагеря Стрницце, не более сытые и не лучше одетые чем те же кадеты, сидящие вокруг них на своих жалких кроватях, они поддерживали луч просвещения последовательно развивая мышление своих учеников и отвлекая их от тяжких переживаний невозвратных потерь. Несмотря на все противоестественные трудности, особенно первого года, программа российских кадетских корпусов была выполнена.

Кроме пестовавших нас наших, так сказать, штатных преподавателей, во второй год стрницценского периода я хочу от-

метить блестящую деятельность 3-х педагогов, новых для Крымского корпуса.

Для подростков и юношей только что прошедших страшную страду гражданской войны с истерзанными нервами и смятенными душами были бальзамом уроки или, лучше сказать, лекции профессора богословия Нила Михайловича Малахова. В простой, понятной философии, в рамках канонов нашей православной церкви, он указал нам путь к вере и осознанию священных традиций. Его лекции, несколько необычные для программы средней школы мирного времени, утвердили в нас или даже вернули многих на стезю христианского мышления.

Прекрасным лектором и высокообразованным педагогом был преподаватель истории Сергей Иванович Медведев. Правда, пишущему эти строки пришлось с ним не легко, но положим нужно сказать, что и педагогам не всегда было радостно присутствию кадета Бертельса. Сергей Иванович явно меня не взлюбил отчасти потому, что обожая историю я всегда много читал и даже в условиях лагерной жизни раздобыл что-то редкое об истории 30-летней войны, о которой как раз повествовал Сергей Иванович, а я вставлял свои замечания. Раздосадованный вконец Сергей Иванович оборвал урок и предложил мне, если я знаю так, что даже мешаю ему, продолжить урок за него. Делать было нечего, нужно было довести наглость до конца, я пошел за учительский стол и провел урок. Результат был интересный, совсем в духе умницы профессора Медведева, в журнал он крупно влезил мне 12 и тут же запись в педагогический журнал о моей неслыханной дерзости.

Этот факт и ему подобные наполняли чашу терпения «Деда» — Римского-Корсакова. Кульминацией же было следующее. Во времени нашего пребывания в седьмом классе в Стренице появились, переведенные к нам, по мне неизвестным причинам, из Русского Корпуса в Сараево, полковники Милляшкевич и Молчанов. Были они старыми преподавателями императорских корпусов с большим и ценным стажем, однако, в частной жизни являли много странностей. Оба старые холостяки, неразлучные в своей дружбе и по внешности были похожи, что дополнялось одеждой, одинаковой у обоих, состоящей из крашеного в черный цвет, английского обмундирования, что делало их похожими на факельщиков бюро похоронных процессий. Нашим преподавателям того, что по программе 7-го класса значилось как «русский язык», а в сущности

было историей литературы, был незабвенный полковник Миляшкевич.

Термин «незабвенный» я употребляю с полным сознанием и глубоким уважением к памяти этого оригинального педагога. Его требования заучивания наизусть основных постулатов искусства, будь то литература, или классический театр, казались нам, только что кипевшим в хаосе ломки всех устоев, чем-то сугубо схоластическим. А ведь на всю жизнь запомнились такие, сейчас понятные и нужные основные истины как: «драма по гречески означает действие; сущность драматических произведений состоит в изображении событий в действии . . . » и тому подобное.

Знакомил нас полковник Миляшкевич и с Шекспиром, но тут, пожалуй, было его слабое место. Дело в том, что он не выговаривал буквы Л, и цитируя наизусть Макбета, в переводе Жуковского, да к тому же еще заклинания ведьм, вызывал у сдержанных юношей улыбки, — меня же, с детства обожавшего Шекспира, это чтение знакомого:

Леший пискнул, кот мякнул
Гроза без туч, на небесах играет луч
Сквозь огонь и дым летим, летим.

что звучало вроде: веший пискнул, кот мякнул, и т. д., возмутило и я нагло заявил, что это профанация искусства. Миляшкевич собрал свой портфель, и вышел из класса, а через час вышел из Корпуса и я, после того как «дед» Римский-Корсаков, осведомился у меня, не смогу ли я заменить в преподавании полковника М. и услышав отрицательный ответ сообщил, что тогда в Корпусе останется М., а я получу право держать выпускные экзамены с моим классом, не подвергая мой тонкий слух декламации Миляшкевича.

Озаглавил я свои воспоминания, обещая говорить о воспитателях и преподавателях. Сказал кое что из моей памяти о преподавателях и остановился в раздумьи перед частью повествования о воспитателях. Оказалось эта часть для меня особенно деликатной и щепетильной. Дело в том, что я сам сын воспитателя и глубоко почитаю память моего отца, мог бы быть пристрастным. Но я предлагаю вернуться к основной идее нашего журнала — «чем мы были и чем мы стали» и признать, что именно были мы воспитаны ими, нашими воспитателями, офицерами Русской, Императорской армии так, что когда после года проведенного в рядах белой армии, в Массандру собрался

мой 6-й класс 2-ое полтавское отделение, из 30-ти кадет большинство носило георгиевские отличия.

Были те же наши воспитатели, которые не останавливали нашего естественного порыва продолжать служение Белой Идее в Николаевском и Сергиевском училищах и они же преподали нам советы борьбы за новую жизнь в высших и специальных школах.

Честь и слава персоналу Российских и Зарубежных Кадетских Корпусов.

*Андрей Бертельс-Меньшой,
2-го выпуска К.К.К.*

БЕЗ БЕРЕЗ . . .

По русской березке томиться не стану!
(Росла от березок я вдалеке...)
И юность моя это — каштаны
На аллее в маленьком городке.

Подняты к небу белые свечи...
Густые ветви... Аллея — в тени...
А на скамейке — первая встреча...
Мы это звали любовью в те дни!

Помню наивность первых признаний,
Под кадетской фуражкой "ежик" густой..
И ныне от этих воспоминаний
Веет кристальной чистотой!

. . . . .
Может быть нет там давно аллеи?
Или — напротив — в лес разрослась?
Но мы и теперь еще молодеем,
Мысленно в прошлое возвращаясь.

И тот, кто совсем не знает России,
И тот, кто вдохнул "Отечества дым"
Все будут помнить каштаны густые
И город чужой, что стал нам родным.

Нас раскидало по странам чуждым,
Но верность юности мы сберегли:
Как только послышится оклик дружбы,
Слетаемся с дальних концов земли.

И забываем про пасмурный вечер.
Про то, что недолог жизненный путь.
Ведь праздник каждой кадетской встречи
Теплом согревает любую грудь.

И жизни мы благодарны за эту
Крепкую дружбу — плечо к плечу!
За то, что русскую душу кадеты
Несли всю жизнь, как страстную свечу.

И трудный путь сквозь бури и грозы
Не мог из сердца вытравить Русь!..
Но пусть простят мне родные березы,
Что я к каштанам душой тянусь!..

Нонна Белавина.

НАШИ ОБЪЕДИНЕНИЯ

ВЕНЕСУЭЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫХ РУССКИХ КАДЕТ.

Идея об организации одного общего объединения бывших кадет трех русских Корпусов в Югославии зародилась в 1947 году, почти сразу по прибытии первых групп эмигрантов в Венесуэлу. Инициаторами этого дела были В. Турчанинов и Л. Пульхритудов, которые поделились своей идеей с остальными кадетами и нашли дружный отклик.

Необходимо было составить устав новой организации и возможно скорее приступить к действиям. В составлении устава главным образом приняли участие П. Завадский, Н. Домерщиков, А. Кравченко и Н. Хитрово. Дело, казавшееся легким, потребовало не мало совещаний и размышлений. Название нашли сразу: «Объединение Бывших Кадет Русских Корпусов в Югославии». Цели организации были ясны и не вызвали сомнений: поддержание дружеских отношений, сохранение традиций, вынесенных из родных Корпусов, взаимопомощь между членами Объединения, посильная поддержка воспитателей, преподавателей и товарищей-кадет, находящихся в тяжелом положении.

Во избежание предоставления преимущества какому-нибудь из трех Корпусов, чьи дни праздников не совпадали, решено было просить небесного покровительства для Объединения у Св. Великомученика и Победоносца Георгия, столь чтимого русским воинством.

Труднее оказалось составить параграфы относящиеся к правам и обязанностям членов, составу, полномочиям и выборам правления и его должностных лиц, ревизии кассы и движения сумм. Но и с этим справились без особых споров. Настоящим камнем преткновения, вызвавшим долгие и бур-

ные дебаты, оказался вопрос о приеме желающих вступить в организацию. Фактически дело свелось к необходимости решить кого именно можно и должно считать кадетом, только ли тех, кто окончил Корпус или и тех, кто пробыл в нем некоторое время и покинул кадетскую среду до окончания, в силу тех или иных причин. Сюда же относятся и те лица, которые находились в последнем Корпусе в момент его закрытия. После долгих обсуждений решено было предоставить правлению решение этого вопроса для каждого желающего вступить в Объединение в отдельности. К сожалению, это решение, принятое с целью широко открыть двери Объединения для всех бывших кадет, не привело к желаемому результату. Недостаточное осведомление всех кадет живущих в Венесуэле об этом пункте устава привело к тому, что многие из них, главным образом Княже-Константиновцы последних лет существования Корпуса, считали себя не имеющими права вступить в Объединение. На много лет наша кадетская семья в силу этой ошибки, была лишена их присутствия и сотрудничества.

В 1948 г. состоялось первое собрание бывших кадет, принявшее устав, избравшее правление и положившее начало жизни Объединения. В награду ли, или в подтверждение известного правила, что никакое доброе дело не должно оставаться безнаказанным, но в первое правление были выбраны те же лица, которые работали над составлением устава: П. Завадский председателем, Н. Домерицков казначеем и Н. Хитрово секретарем. На собрании присутствовало 16 человек и было собрано 160 боливаров, которые положили начало кассе.

Первое собрание, на котором присутствовали и дамы, состоялось в гостеприимном доме Л. и В. Турчаниновых. Прошло собрание очень мило и оживленно. Чтобы запечатлеть для потомства столь значительное событие, было решено сделать общий снимок присутствовавших. Фотограф-доброволец, по видимому мало знакомый со своим делом, загнал всех в кучу на какую-то кушетку, которая, не выдержав такой нагрузки, с громким треском и со всеми сидящими опустилась на пол. Хозяева хоть и мило улыбались, уверяя что это к счастью, но без кушетки все-таки остались, а по тем временам это было потерей довольно ощутительной.

После этого собрания встречи участились и созывались в самых разных местах и окружениях. В. Щербович-Вечор предоставляя не раз свой гараж, самое просторное помещение, каким в то время кадеты располагали. Ни присутствие чиня

щихся машин, ни запах масла и бензина, не мешали теплоте встреч, не портили вкуса водки и блюд, приготовленных руками наших дам, и ничего не отнимали от радушия Нины и Володи.

В 1950 году кадеты уже настолько «оперились», что смогли на нескольких собственных машинах выехать на собрание километров за сорок, в дом Г. и Л. Пульхритудовых, стоявший у «самого синего моря», хотя Галя и Леня не были тогда, да и теперь не являются «стариком и старухой».

Особенно памятно одно из собраний 1967 года, состоявшееся в провинции, в 120-ти километрах от Каракаса. Не успела начаться деловая часть, как послышался грозный гул и земля пришла в движение. Это было известное каракасское землетрясение, от которого в провинцию дошли лишь отголоски. Ясно, что все бросились к телевизору и повисли на телефоне, забыв о собрании. Немедленно все каракассцы укатили, предоставив провинциалам самим уничтожить приготовленный ужин. Слава Богу землетрясение не имело трагических последствий ни для кого из кадетской семьи, а материальные убытки возместило время.

В последние годы собрания вошли в организованный порядок и устраиваются каждые два месяца у кого-нибудь из членов Объединения, при чем дамы во время деловой части «заседают» отдельно, а рюмка водки после нее пьется сообща.

За почти четвертьвековое существование Объединения на посту председателя сменилось 8 кадет: П. Завадский, И. Армашевский, Н. Домерщиков, А. Слезкин, Ю. Щербович-Вечор, Г. Леваневский, И. Гняздовский и «ныне благополучно царствующий» В. Рогойский. Почти бессменный казначей А. Слезкин как никто умеет собрать причитающуюся мзду, памятуя об афоризме белградского «Буха», что «пуля дура, а членский взнос — молодец» и становится особенно грозным в конце года, напоминая о черном списке неплательщиков, беспощадно прилагаемом к годовому отчету. Несменяем так же и наш старательный секретарь П. Лихарев, тщательно ведущий протоколы и созывающий всех на собрания повестками.

В прошлые годы устраивались балы, принималось участие в организации и поддержке Русского Клуба, где Объединение имело свою комнату, и во всех культурных начинаниях колонии кадеты были непременными участниками. В последнее время, в силу отъезда из Венесуэлы многих и пе-

рехода в солидный возраст большинства, этих начинаний все меньше.

В 1957 году Объединение было легализовано венесуэльскими властями под официальным именем «Клуб Ла Традицион», т. е. Клуб Традиция. Это название было принято, чтобы не смущать власть имущих, странной для них комбинацией русских венесуэльцев из Югославии.

В 1968 году Объединение праздновало свое двадцатилетие. На банкете, помимо членов Объединения и их семейств, присутствовали, в качестве почетных гостей, бывшие кадеты Императорских Корпусов, представители военных организаций, духовенства и сербской колонии. Особенно радостно было видеть дорогих гостей из Нью Йорка, Г. Сперанского и Н. Козякина, специально прибывших, чтобы принять участие в праздновании, поздравить от имени однокашников-американцев и передать художественный Щит, подарок нью-йоркского Объединения.

На первом съезде зарубежных кадет в Монреале в 1967 году, Объединение было представлено тремя членами. Пожалуй наиболее радостным моментом в жизни Объединения следует считать второй съезд, состоявшийся в Каракасе в 1970 году, когда венесуэльские кадеты были почтены присутствием своей Старшей Сестры, Е. В. Княжны Веры Константиновны, Высокопреосвященнейшего однокашника Архиепископа Виталия, Монреальского и Канадского и своих дорогих товарищей из Бельгии, Аргентины, Бразилии, Канады и Соединенных Штатов.

Съезд вынес три основных постановления: усиление работы с молодежью, создание Центральной Кассы Взаимопомощи и приобретение своих помещений, где только это возможно. С гордостью можно сказать, что все три постановления «венесуэльцами» выполнены. Русская школа при главном приходе Каракаса, стараниями двух наших дам и при материальной поддержке Объединения, поставлена на должную высоту и число посещающих ее детей возросло до сорока. Объединение приняло на себя посильное обязательство в отношении Центральной Кассы и честно его выполняет. Благодаря отзывчивости и гостеприимству И. и В. Рогойских, в их доме имеется комната, ставшая кадетским собранием. В ней висят портреты, картины и фотографии. Двери открыты для всех членов Объединения в любое время и часто очередные встречи

устраиваются в собраниях и прилежащих к нему помещениях. Хозяином собрания избран Ю. Щербович-Вечор.

В настоящее время в Объединении состоят 35 бывших кадет, в большинстве живущих в Каракасе.

В минувшем году Объединение пережило первое непоправимое горе. Скончался один из старейших членов, кралец выпуска 1927 года, доблестный капитан Р.О.А., Н. А. Потоцкий. Все члены Объединения проводили его к месту последнего пристанища.

Наше Объединение можно сравнить с кораблем, которому на его долгом пути не всегда светило солнце, сопутствовали ветры и встречалось спокойное море. Корабль не раз попадал в свежую, по морскому выражению, погоду, выдерживал и бури, и ураганы. Но корабль не погиб. Видимо его строители, капитаны и команда знали свое дело, имели общие идеалы и цели, ибо были воспитаны в одних и тех же правилах и традициях.

Пусть обветшал наш корабль. Пусть многие из его команды постарели. Есть еще достаточно душевных сил и у них, а среди команды есть и более молодое поколение. Мы твердо верим что наш корабль еще многие годы будет гордо нести свой флаг, на радость своему экипажу и тем кому его помощь может оказаться необходимой.

«Венесуэльцы».

НОЧЬ В "PUERTO AZUL"

Тропическая ночь, лениво волны плещут,
Кокосовые пальмы у воды.

Чи листья в вышине едва-едва трепещут,
Роняют на песок созревшие плоды.

Не зная отдыха, в тропическом пылу

Не зная отдыха, в тропическом пылу

Поют влюбленные цикады;

Маяк приветливо мигает на молу.

Тепло, но нет дневного жара,

Стал резче запах моря и цветов,

Зарницы за горой как отблески пожара,

На лодках сохнут сети рыбаков...

В такую ночь не мучают заботы,

Спокойно дышется, на сердце тишина;

Миллионом звезд усыпаны высоты,

А в далеке встает красавица луна....

О ТРАДИЦИЯХ .

В разное время, но в тот же период великого исхода с Родины, ее рубежи покинули 4 группы российских корпусов: Полтавско-Владикавказская, Одесско-Киевско-Полтавская, Донская и Сибирская. Группы, в последствии Зарубежные Корпуса, состояли из кадет всех возрастов предписанных программой средних военно-учебных заведений, опекаемые воспитателями и обучаемые соответственными преподавателями. Все они, однородные по организации, естественно, еще в России, подвергались влиянию географической среды, в которой они воспитывались, принимая в свой быт специфические характеристики. Так создавались соответственные традиции, носившие иногда форму неписанных обычаев, а иногда выражавшиеся в сохранении строгого ритуала.

Вероятно, в силу географической близости Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса, к «славной южной школе» — Елизаветградскому Кавалерийскому Училищу, внутренний, скрытый от начальства, быт многое заимствовал от кавалерийских юнкеров. Можно предполагать, что географически близкие к Одессе стоянки 8-го гусарского Лубенского и 8-го Уланского Вознесенского полков, тоже влияли на форму традиций Одесситов-Константиновцев. Кадеты Киевляне и Полчане как будто не включали в свои традиции особо, сугубо-кавалерийского духа. Наши братья казаки донцы в Донском, и кубанцы и терцы во Владикавказском Корпусах полностью укладывались в свой казачий быт, не сходный с бытом кадет северян. Все старшие кадеты строевых рот и сотен, прошедшие почти полный курс корпусов в России унесли с собою за рубежи и непревзойденный кадетский дух и свои традиции.

Общей традицией для всех Российских корпусов, было составление и пение «Звернады». И вот, даже поверхностно, разбирая происхождение названия этой оды, составляемой всеми оканчивающими курс выпускниками о днях проведенных в корпусе в комическом, а иногда солском духе, приходишь к вероятному первоисточнику этого вида поэзии, в лице великого М. Ю. Лермонтова. Почему именно «Звернада» возникла среди юнкеров Гвардейской Школы, мы приблизимся к решению этого вопроса, если цитировать строфу вероятно созданную, если не самим Лермонтовым, то его окружением:

Споемте братьцы Звериаду,
Собрались звери все толпой,
Бесмысленных баранов стадо,
Подтянет их корнет лихой.

Как видно, понятнее корнета, то-есть юнкера старшего курса, в мечтах уже офицера и зверя — юнкера младшего курса, мохнатого, хвостатого существа, пребывающего по воинскому уставу, в звании рядового, довольно логично возникло в бесшабашной компании гвардейских юнкеров. Строгая иерархия всегда была основой организации с вытекающей отсюда дисциплиной всех нормальных вооруженных сил. Шутливое наименование «зверь» не обижало юнкеров младшего курса, знавших, что проникновенная песнь — гимн Николаевского Кавалерийского Училища, словами . . .

“За друга друг стоял горой.
В беде друг друга выручал,
И были вечными друзьями
Солдат корнет и генерал”.

. . . выражала настоящие чувства и дух всех и старых и молодых николаевцев. Шутки или обычаи, созданные гениями запоминаются последующими поколениями и, естественно, становятся традицией.

Схожесть организаций, интересов и быта, способствовали распространению в точной или несколько измененной форме традиций, принятых в Николаевском Училище, в Елизаветградском, Тверском, и в специальных классах Пажеского Корпуса. Несомненно, первым принявшим традиции Гвардейской Школы, был Николаевский (Кавалерийский) кадетский корпус, а за ним в той или иной форме другие корпуса.

Трудно утверждать, в какой период, прошлого столетия, внутренний быт кавалерийских юнкерских училищ Российской Империи, и военных училищ Германской Империи, и Соединенных Штатов Северной Америки (Вест-Пойнт) оказался в некоторых традициях или в так называемом «духе», поразительно схожим. Вероятно общность этого явления была психологически оправдана, в той части военной молодежи, каждой из упомянутых стран, которая с одной стороны сохраняла традиции своих предшественников, а с другой наставляла, опираясь на иерархическую подчиненность старшим младших, на постоянной готовности к особой отчетливости (по немецки

«цакиг» — вероятно отсюда «цук») как результату условных автоматических рефлексов.

Не безинтересно, даже и сейчас, когда уже все в прошлом, проанализировать, хотя бы вкратце, эту часть быта старой России, перенесенной за рубежи.

К сожалению оба понятия как традиции и цук, не всегда правильно истолковывались, в большинстве случаев людьми мало осведомленными, или тенденциозными. Отдельные, отрицательные явления, случайно имевшие место муссировались и создавалось неправильное представление. Главным пунктом обвинения цука, является оскорбление личности, в упомянутой форме, подразделения на корнетов и зверей и необходимости выполнения последними, поражающих самолюбие, приказаний корнетов.

Было бы нелепо утверждать невозможность патологических случаев, когда «корнет» по недомыслию, или по отсутствию душевного благородства, переходил границы здравого смысла, и требовал исполнения глупого или злого приказания. Опирающиеся в обвинении цука на такие печальные случаи, упускают из вида всю стройную систему существующую в военных школах, для поддержания традиций и, естественно, для охранения и пресечения случаев поражения чести. В русских кавалерийских училищах, в пажеском корпусе, в кадетских корпусах, принявших в той или иной форме лермонтовские традиции и цук, существовал высший юридический форум в виде «корнетского комитета» или ему схожей организации, возглавляемой «генералом» — с помощниками в разных мифических чинах, соответственно, но не всегда, годам проведенным в школе. Это высшее учреждение существовало для проведения в жизнь существующих традиций, и несло обязанности суда чести, подобного установленному дисциплинарным уставом для господ офицеров Русской Императорской армии. Каждый «зверь» или племянник, имел своего дядюшку, или «благородного корнета» и эта взаимная связь требовала от дядюшки всей заботы не только об отчетливости своего племянника, но и защиты его самолюбия, если была в этом необходимость.

О безобидности с одной стороны и пользы, с моей точки зрения, цука, с другой, можно судить по краткой истории двух первых выпусков славного Крымского Кадетского Корпуса. Происходя из соединения в основном, двух корпусов, часть Полтавская, с традициями включавшими цук, объединяла всех кадет, принимавших эти основные внутренние требования.

Часть Владикавказская, в основном состоящая из казаков, имела свой уклад соответствующий высшему форуму казачьей жизни — казачьему кругу.

Стоит упомянуть, что и в Петербурге, Николаевское Кавалерийское Училище имело эскадрон, с продолжателями лермонтовских традиций, и казачью сотню, где об цуке не было и речи. По стечению обстоятельств, при возобновлении Николаевского Училища, в 1920 году, в Симферополе, из вольноопределяющихся кавалерийской дивизии ген. Барбовича, был создан дивизион из двух эскадронов, без сотни. Волей Блаженнопочившего Короля Югославии Александра, из Галлиполи, была принята кавалерийская дивизия и Николаевское Училище, а впоследствии с Лемноса, Кубанская дивизия, но без училища.

Николаевское Училище открыло свои двери для приема оканчивающих кадет из трех корпусов: Русского, Крымского и Донского. Для одеситов, полочан и киевлян, традиции и цук кавалерийского училища были понятны, но казалось, что решение этого вопроса будет трудно для казаков. И вот тут мы имели блестящий и достойный ответ хулителям традиций и непонимающим цука — наши братья казаки — Владикавказцы из Крымского корпуса, Протопопов, Черняев, Микулинский, Орел, Агрызков, Денисов и др. и донцы из Донского — Лошкарев, Греков, Дубенцов вместе с нами полтавцами и остальными с честью носили форму и верю, что с трогательной любовью вспомнят и свое состояние «зверей» и «благородных корнетов» в Николаевском училище. О дисциплинарно-воспитательном значении цука не только для военной службы, но и для частной жизни молодого человека, нужно сказать, что пребывание в состоянии «зверя» дополняет и отшлифовывает требования строевого и дисциплинарного уставов, доводя исполнительность и отчетливость до инстинктивного рефлекса. Но стоит подчеркнуть, что звание, несколько помпезное «благородного корнета» обязывает к тому, именно благородному, поведению, которым отличались воспитанники Русских Кадетских Корпусов и на Родине и в милой нашему сердцу королевской Югославии.

*Андрей Бертельс-Меньшой
2-го выпуска К.К.К.*

НЕНУЖНОЕ РАЗЖАЛОВАНИЕ.

После конкурсного экзамена из Донского Приготовительного Пансиона в 1904-ом году, я был принят в Донской Императора АЛЕКСАНДРА 3-го Кадетский Корпус, в Новочеркаске. Директором Корпуса был ген. м. Анчутин, но вскоре его перевели в распоряжение Велик. Князя Е. П. В. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА. Был назначен директором корпуса ген. м. Павел Николаевич Лазарев-Станицев. Нам кадетам воспитатели наши говорили, что он был строг и спуска кадетам не давал.

В это время уже шла Японская война. У нас, в корпусе, непрерывно продолжались занятия, точно по расписанию. Ничто не нарушало спокойствия кадет.

Вдруг, в нашей 3-ей сотне (у малышей кадет) разнесся слух, что два кадета из 5-го класса (2-й сотни) бежали из корпуса. Предполагали, что на фронт — воевать с японками. Этот их геройский поступок (по нашим кадетским понятиям) сильно обрадовал нас, но в то же время и обеспокоил: поймут их на пути, вернут ли обратно или, может быть, они все же сумеют проскочить на фронт.

С «добрыми» дежурными воспитателями мы рисковали говорить по этому случаю. Они все и всегда говорили и уверяли нас, что конечно поймут: слишком далеко фронт, да их там и не могут принять...

Но все же, желание наше, всех кадет, было чтобы их не поймали...

Каждый день, во время прогулок на плацу, вместе со старшими кадетами, мы — малыши, жадно ловили всевозможные слухи о их бегстве. Нам стало известно, что директор корпуса разослал по всем жел. дорогам и различным учреж-

дням, известия о побеге двух кадет из корпуса. Сообщили и их отличительные приметы.

Шли дни... Сильно волновались все кадеты...

Прошло пять дней с тех пор, как они ушли.

Во время утренних занятий, часов около 10-ти, внезапно, к нам в класс пришел наш воспитатель и что-то тихо сказал преподавателю. Урок был сразу прекращен. Почему, нам ничего не сказали. Оказывается, уроки были пререщены во всех классах.

Построили сотню и отвели нас в большой танцевальный зал на третьем этаже. Вскоре туда же привели вторую и первую сотни. Затем пришел директор. С нами, кадетами, не поздоровался. Назвав по чину и фамилии воспитателя бежавших кадет, сказал ему: «приведите сюда неразумных беглецов»... Как после мы узнали, они ждали внизу в швейцарской комнате, под охраной 2-ух рослых жандармских унтер-офицеров. Сразу упало сердце у нас: значит поймали... стало понятно почему прекратились уроки и почему собрали весь корпус. Поймали их на станции Дебальцево. Да как было их не поймать, когда они оба были в кадетских мундирчиках (а дело было осенью и уже наступали холода).

Вошел воспитатель, за ним, в затылок один другому, шли оба кадета. Первым — Валентин Попов, худой, высокого роста; второй — маленького роста — полненький Михаил Борисов. По залу оба шли в ногу, с высоко поднятой головой.

По команде воспитателя остановились и повернулись «направо». Все делали спокойно, отчетливо, точно по уставу. Став «смирно» они находились против середины корпусной колонны. Воспитатель отошел и стал на левый фланг первой сотни развернутого фронта — по два. (Вторая сотня стояла в затылок первой, третья — в затылок второй).

Возбужденный, недовольный, весь красный, очень громким голосом директор начал говорить (почти что кричать). Продолжительное время он читал нотацию всему корпусу: «Вы, молодые люди»... (это его очень часто употребляемые слова — «Вы, молодой человек», и т. д.). Теперь уже не помню точно всех его слов, но отлично помню, как он сказал: «Вас молодые люди» — обращаясь к виновным — «Ваши родители послали в корпус учиться, а не воевать и бегать из корпуса на фронт»... Закончил свою продолжительную нотацию директор, обращаясь к воспитателю: «приведите портных»... Сразу мы не поняли для чего. В каждой сотне, для почи-

ки белья и кадетского обмундирования, было по одному портному. Двое из них ожидали в проходной, маленькой комнатке у зала. Вместе с воспитателем вошли и портные и стали в затылок обоим кадетам. Директор сказал, что оба кадета, бежавшие из корпуса арестовываются им на два месяца (каждый), с лишением права ношения погон. Обращаясь к портным, сказал сурово: «Срежьте обоим погоны»...

У каждого мундира на плечах были пришиты узкие, поперечные перемычки, под которые продевался хлястик погона. На мундире, у шейного воротника, были проделаны две дырочки, обшиваемые нитками для прочности (чтобы не размокались дырочки). От пуговицы погона в эти дырочки пропускались концы шнурков, обжаты тончайшей жестью и прочно притягивая погон к мундиру, завязывались.

Значит портным надо было срезать перемычку и шнурок у пуговицы, что они и сделали моментально, вынув ножницы из своих карманов.

Не дрогнули — ни один, ни другой при этой неприятной и совсем ненужной операции. Крепко стояли на ногах... только сильно-сильно побледили оба...

Для нас наблюдающих, это была ужасно-неприятная картина. Невольно являлся вопрос: «За что? За детский патристический порыв такое жестокое наказание?» Директор ушел. Сотни развели по своим местам и... будто жизнь кадет потекла попрежнему. Так только казалось.

Долго мы не давали покоя нашим дежурным офицерам, воспитателям, напоминая им об этом совсем ненужном наказании и спрашивали, чего же хотел достичь этим директор, срезав погоны у двух «героев»... Во время бегства их на фронт, мы их считали «героями». Такими же (а может быть даже и больше) «героями» они остались для нас и сейчас, хотя и были без погон.

Не знали воспитатели, не знал и директор о том, что кадеты седьмого класса решили нужным поддержать морально арестованных кадет и сказать им, что все кадеты не осуждают их за побег. А на то, что они без погон не обращают никакого внимания и осуждают поступок директора. Ведь все кадеты, всех корпусов отлично знают, как сильно в корпусах были развиты правила дружбы («сам погибай — товарища выручай»), а так же и воинский почет и уважение к «героям».

Вынося это постановление седьмой класс знал, что среди кадет нет шпионов, нет докладчиков и решение это не будет

известно директору, или кому-нибудь из офицеров-воспитателей. В тот же вечер это решение было сообщено и Попову и Борисову. Кроме того им решили помогать получать и пищу: принесли из столовой мясо и прочую пищу и ее передавал дежурный вице-урядник (кадет).

По окончании Кадетского Корпуса Попов вышел в Инженерное Военное Училище, а Борисов в Николаевское Кавалерийское Училище (казацкую сотню). Оба были отличными офицерами.

Максим Бугураев.

*Кадет Дон. Импер. АЛЕКСАНДРА III Кад. Корпуса
выпуска 1910 года.*

С ДОНУ ВЫДАЧИ НЕТ!

Пребывание в Билече и нормальные, добрые отношения с персоналом омрачились однажды «бенефисом», который принял крупные размеры и продолжался с 10 часов вечера до следующего утра. Я не собираюсь выяснять причины, ограничившись только утверждением того, что они были уважительными. В тот период лицо — назовем его X. — определенно заслуживало какого-то гласного выражения общего неодобрения. Кадеты же, по старой традиции, выразили свое возмущение в «бенефисе». Не надо забывать, что хотя юность и сама, то тут, то там, оступается и делает промахи (на то она и юность!), но ей присуще сильно развитое чувство справедливости, куда ее еще не заела жизнь, и на малейшее проявление несправедливости она реагирует, подчас крайне резко.

Мы живем ныне в годы студенческих волнений и беспорядков, чуть ли не по всему миру. В нынешнее время компартии разных стран ловко используют то, что легче всего разжечь — юношеский пыл. На этом играют бесстыдно коммунисты, распаяя толпы псевдо-либеральными лозунгами и подсовывая толпе молодежи ложные доказательства «несправедливости», якобы направленной против молодежи.

В наши же годы, в кадетской семье, воспитанной в духе воинских традиций, дисциплины и любви к Родине и родному корпусу, такое случиться не могло. Никто не поддавался бы лживому влиянию извне, к тому же чуждому по духу. Но явную несправедливость юность не прощает, отсюда и причины «бенефиса».

Бенефис был устроен в здании 2-ой сотни, выпусками 38, 39 и 40 — последний был расположен в другом конце коридора. Когда в полной темноте катились друг другу навстречу по бетонному полу коридора чугунные ядра — ох, и жутко же было, напоминало чуть ли не бомбардировку (в прелесть бомбежек мы тогда еще не были посвящены). Кошачий вой, завывание шакалов — все это напоминало джунгли, а тут еще дупили в тазы и пели марши — бедлам! Были вызваны воспитатели. Они подходили к забарикадированным дверям спален своего выпуска и вели переговоры со своими питомцами, уговаривали их прекратить этот бедлам. Кадеты тотчас же их предупредили, что это никак не относится к ним, и объяснили причину бенефиса. Не имевшие возможности оспаривать логические доводы кадет, воспитатели были вынуждены оставить всякую попытку найти пути к окончанию бенефиса. Думаю, что и сами воспитатели в душе были согласны с мнением своих питомцев. Неимоверный шум и гам, плюс катание чугунных ядер, достигли и до городка. Отделение жандармов было приведено в состояние боевой готовности. Атмосфера была накалена. Шум и гам продолжались до тех пор, пока не наступило утро и не утомились за ночь медные кадетские глотки.

С раннего утра заседал военно-педагогический совет. Было принято решение — исключить двух кадет. Их можно было подозревать в качестве зачинщиков, хотя доказательств этому фактически и не было. Когда, наконец, казармы приняли свой обычный вид и баррикады были сняты, дежурный офицер выстроил сотню и объявил решение. Двое кадет были тотчас же отправлены в карцер, но не в обычный, сотенный, а в одну из свободных комнат в директорском флигеле. Справа и слева находились квартиры преподавателей и воспитателей. Принимая во внимание «тяжесть преступления» к арестованным был приставлен офицер, в чине сотника, который должен был дежурить у двери. Сотник — «единственный сотник за рубежом», как мы его звали, или же еще «возжигатель светочей» — был безобидным, милейшим существом. В корпусе его обязанности сводились в сущности к зажиганию и тушению фонарей на территории корпуса. Очень жаль. Уверен, что он с успехом мог бы выполнять и другие, более ответственные задания. Спать в карцере было не так уж и плохо. Верные товарищи пробирались через сады и приносили всякую всячину — от папирос до апельсинов. Особенно отличался тогда милейший граф

Уваров (Алешка), который, презрев всякую опасность для себя лично, подтягивался на руках к окошку, мирно беседовал с «заключенными» и передавал им последние новости.

«Пленники» меж тем раздумывали о своем невеселом будущем. Прежде всего в их планы входило сейчас же по приезде в Белград отправиться к заступнику за всех кадет в мире — знаменитому полковнику Приходкину. Его дом был пристанищем для всех «обездоленных» кадет, и он обивал пороги сильных мира сего, прищипывая кадетам работу или же хлопоча об их возвращении в корпус. А потом пленники вспомнили, что единственное название, наводящее священный ужас на корпусную администрацию — это Государственная комиссия по делам русских беженцев. От этого учреждения зависело многое, и прежде всего — каждая копейка, отпускаемая на содержание корпуса, а следовательно и на чинов персонала. И вот в гениальных головах юных стратегов созрел план. Зная, что по долгу службы сотник обязан докладывать обо всем, что он видит и слышит, они смиренно попросили его снабдить их бумагой и карандашом — «хотим составить список персонала — просто так, на память. Уезжаем ведь...» Сотник не замедлил исполнить их просьбу, но теперь ушки у него уже были на макушке и он внимательно слушал их разговоры. А арестованные стали громко обсуждать вопрос — кого вносить и кого не стоит вносить в этот список. При этом они часто упоминали Госуд. комиссию. Наконец, бедный «возжигатель свечей» не выдержал, вошел в комнату и присел на табуретку. «Надеюсь, господа», сказал он, «что меня вы не внесете в этот список — я-то ведь только по долгу службы. Что приказано — выполняю...»

И не ведали ни арестованные ни сотник, что в это время в корпусе разыгрывается финальный акт трагедии. «Традиционное» начальство, т. е. выборный Атаман и Круг старшего выпуска выясняли причины и оправданность бенефиса младших кадет. А выяснив, они пришли к убеждению, что без «бенефиса» обойтись и не могло, а кроме того, что решение педагогического совета или директора (тогда точно не знали, кто к этому решению пришел) несправедливо — ни по поведению, ни по отсутствию доказательств эти двое кадет не должны бы были быть исключены. Налицо был произвол и пристрастие. Поэтому атаман выстроил сотню старших кадет — на этот раз командовал сотней он, а вице-вахмистр, желая подчеркнуть свою солидарность с традиционным начальством,

стоял на левом фланге. Атаман повел сотню к воротам крепости, на шоссе ведущее к железнодорожной станции. Началась суматоха, забегало начальство, вышел директор. «Куда?» — «В Белград, ваше превосходительство!» Кадеты объяснили, что покидают корпус и доложат обо всем Государственной комиссии. Не стану описывать всех подробностей. Скажу только, что выгнанные кадеты были сейчас же отосланы в сотню, что им не был даже сбавлен балл за поведение, и что через некоторое время сам директор корпуса принял меры к тому, чтобы устранить то самое обстоятельство, из-за которого и был устроен «бенефис». Очевидно, и он понял, что с кадетами было поступлено несправедливо, и что вина лежит на ком-то другом.

История кадетской спайки обогатилась новой страницей, и еще раз подтвердилось старое присловье:

С ДОНУ ВЫДАЧИ НЕТ !

Н. Воробьев, Д. К.

КАКИМ ОБРАЗОМ?

«Всегда когда слышу этот вопрос или когда его и сам задаю переносюсь мыслями в свою юность, которую я провел в Донском Императора Александра 3-го Корпусе».

Так начал свой забавный рассказ Вова.

«И вызывает он не только одно воспоминание, а целый поток. Даже не поток, а буйную Дрипу, на берегу которой расположен когда-то богатый и цветущий городок, а теперь и Богом забытый — Горажде. Тут в этом фруктовом уголке Боснии был расположен наш корпус.

Но, поток-поток, а с этим вопросом связан только один случай. Надо сказать, что русских со стороны в нашей Горажде можно было пересчитать по пальцам. Все остальное русское население принадлежало к нашему корпусу. Было одной большой семьей, хотя может быть, и разношерстной. Ясно что при таком положении вещей все что происходило в нашей «колонии» было известно каждому из нас и каждая тайна рано или поздно всплывала наружу.

Так вот, был у нас преподаватель математики, некто Б-ий. Помимо математических знаний, которые он старался втиснуть в наши буйные головы отличался он от других преподавате-

лей веселостью и остроумием. Одним словом, был милым человеком и к тому же и фамилию имел благозвучную — божественную, хотя она более бы отвечала лицу духовного звания чем преподавателю материалистических наук.

Помимо выше приведенных качеств обладал он еще маленькой очень изящной женой, такой воздушной, что ее можно было сравнить если не с херувимчиком то во всяком случае с божественным купидончиком. Но характер у нее был строгий и женщиной была она весьма энергичной.

Какая черная кошка пробежала между супругами судить не берусь. Было несколько версий. Но так или иначе дело кончилось к разводу . . .

Вот, как-то в один из понедельников. является наш математик в корпусе не совсем по форме — с фонарем под глазом. Синяк преобладающий, даже не синяк, а какое-то выпуклое украшение на подобие шишки.

Не успел он еще и порога переступить как около него собралось несколько любознательных чинов педагогического состава . . . Ну, а мы кадетия, тоже тут шныряем по близости и нам тоже интересно с чего бы это. А тут кто-то из более любопытных или может быть более душевных преподавателей не выдержал и так просто по человечески спрашивает его:

«Михаил Моисеевич, каким образом?»

Б-ий как бы виновато оглянулся вокруг на присутствующих и со свойственной ему милой улыбкой отпарировал:

«И совсем не ОБРАЗОМ, а ПОДСВЕЧНИКОМ!»

Как видишь ОБРАЗ — ОБРАЗУ рознь.

Закончил свой рассказ Шевченко.

Алексей Мальчевский.

Вертикально: 1) Трафарет, 2) Самара, 3) Сафокт, 4) Византия, 7) Стри-
ме, 8) Лашкенг, 9) Лобус, 12) Стая, 15) Нуа, 20) Версаль, 21) Драв-
ма, 23) Лайга, 24) Пшено, 25) Шагаш, 26) Антон, 31) Ра, 32) Вр.
Горизонтально: 5) Юрта, 6) Опш, 10) Трф, 11) Ага, 13) Лпр, 14) Аф-
рикан, 16) Шут, 17) Ага, 18) Брнет, 19) Спрена, 20) Ват, 22) Степ, 25)
Шат, 27) Шнаргата, 28) Тире, 29) лая, 30) Нера, 32) Мята, 34) Како, 35)
Агтарь, 36) Шнава.

РЕШЕНИЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 2.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ ДЖИГИТОВКИ В КОРПУСЕ ЗАГРАНИЦЕЙ

Хотя за рубежом наши кадеты — питомцы одного из двух «конных» корпусов в Российской империи, т. е. Николаевского и Донского — и были лишены возможности обучаться верховой езде, однако, одному из них посчастливилось показать высшую школу езды. Правда, показывал он ее только одному, и к тому же весьма неблагодарному, зрителю — нашему директору. Надо также сознаться, что по части вольтижировки (джигитовки) он оказался далеко не на высоте, но . . .

Но начнем с самого начала. Случилось так, что нашему герою (он был тогда в четвертом классе) наскучило однажды сидеть на уроке, и он решил подышать свежим воздухом. Новой платок и акварельная краска . . . «Разрешите выйти, кровь носом!» И вот наш герой уже совсем законно (Ах, кровь? Ну, конечно, идите . . .) на свободе. Поболтавшись по форту и вдоволь нашвырившись камнями в какую-то мишень, полной грудью вдыхая весенний воздух, герой отправился на так называемый «нижний» двор. Там были лазарет и частные квартиры персонала. Там можно было бы встретить, если повезет, Зюечку Дмитриеву, уже закончившую институт или же поболтать с полковником Посевиним — этого бояться не надо, он складом заведует, не стябедничает, его и начальством-то считать нельзя. Но двор оказался пустым. Ни Зои, ни Посевина. А не зайти ли в лазарет? Нет, там пожалуй еще напорешься на кого-нибудь . . . И вдруг взоры героя привлекло единственное живое существо, стоявшее посреди двора и тупо глядевшее по сторонам. Это был боров — крепостной, раб прачки Мецки. А-а-агромнейшая животина . . . За неимением иного объекта внимания, наш герой занялся борьвом. Он уже сознавал, что удирать из класса не следовало, что гораздо интереснее было бы сейчас сидеть там, но . . . не возвращаться же теперь, когда остается каких-нибудь двадцать минут. Подожел к борю, познакомился, почесал у него за ухом, тот одобрил, в восторге захрюкал. Завоевав его полное доверие, герой уселся ему на спину, почесал шею, бока. Новый знакомец не протестовал. И тут героя осенила мысль — а не проехаться ли на нем верхом? Сказано — сделано. Снятый с гимнастерки пояс с успехом заменил чумбур, и герой уселся поудобнее. Ну чем не лошадь, разве что малость низковато. Боров двинулся, надеясь, что всадник догадается и слезет. Но всадник плотно сжал его коленями и, как говорится, пришпорил. Борю это надоело. Он затрусил по-настоящему, ну совсем как конь. Теперь надо было уже думать, чтобы только не упасть. И в этот момент на аллейке показалась грузная фигура директора. Всадник застыл в ужасе. Но боров не застыл — он не то что помчался, но затрусил быстрее. Нужно признать, что по от-

ношению к всаднику боров в общем повел себя по-свински. Не видя директора, боров шел прямо на него, не замедляя свой свинский галоп. Увидев это, глаза генерала чуть не вылезли из орбит! А несчастный герой, помня устав, лихо отдал ему честь, изо всех сил стараясь в то же время удержаться на своем «арабе». Наконец, боров увидел генерала. Он сделал поворот и . . . но я, кажется, уже говорил, что по части джигитовки наш герой не смог показать высшей школы. Нет, он просто осрамился . . .

Не думайте, что скачущий конь без всадника и лежащий на земле лихой джигит могли разжалобить черствое артиллерийское сердце генерала — к коннице у него никогда не лежало сердце. В общем, «всаднику» был сбавлен балл за поведение. Как счастлив он был, что так дешево в тот раз отделался!

Н. Воробьев Д. К.

ПОЕЗДКА НА ЗАРАБОТКИ

Передо мной несколько групповых фотографий из далекого прошлого. Возможно что таких фотографий ни у кого не сохранилось, а они являются частью истории Крымских кадет, иллюстрируя по всей вероятности единственный случай в истории всех Корпусов, организованной корпусным начальством поездки... думаете на какую-нибудь особенную, единственную в своем роде экскурсию, вроде поездок к Железным Воротам Дуная, или в исторический город Дубровник, или на Всесокольский слет в Прагу... Нет, друзья, о такого рода поездках написано в книге «Кадетские Корпуса за Рубежом» достаточно много и хотя фотографий этих поездок в книге нет, но все описано так красочно и поэтично, что нетрудно себе представить бравого генерала, выходящего из церкви и строй кадет в белоснежных гимнастерках и слегка сдвинутых на бекрень бескозырках и все это на фоне «Плавов Ядрана». Экскурсии такого рода б. м. характерны для последней трети существования Крымского Корпуса. В мое время экскурсий такого рода не было, о чем можно пожалеть, т. к. польза от

них несомненна и служила для расширения умственного горизонта участников; но я не имею ввиду поездки такого рода и поездка о которой я хочу рассказать служила с одной стороны расширению не умственного горизонта, а финансовых возможностей, а с другой, что не менее важно, содействовала расширению житейского опыта. Одним словом «поездка на заработки».

Поездки кадет-одиночек на работы начались с лета 1923 года. Кадеты, имевшие родных или знакомых, часто офицеров частей, в которых служили в гражданскую войну, просили их прислать заявление об отпуске к ним и устройстве на любые работы. Одновременно, кадеты не имевшие связей за стенами корпуса, начали наниматься к местным Белоцерковским фермерам на сельско-хозяйственные работы, о чем очень кратко написано в Памятке, хотя эта страница жизни кадет гораздо важнее и характернее для того времени, чем многое другое чему уделено достаточно внимания. Эта страница жизни все та же страдная тропа русского мальчика-кадета, начавшаяся в полках Добровольческой армии и кончившаяся на молотилках, каменоломнях и др. тяжелых физических работах.

Корпусное начальство не препятствовало кадетам работать, а раз даже помогло, организовало и устроило кадет на работу. Вот об этом единственном случае в истории всех корпусов в России и за Рубежом, я хочу рассказать.

Летом 1924 года, после окончания экзаменов, директор корпуса, предварительно договорившись с кем следовало, предложил кадетам только что окончившим 8-й класс и перешедшим в 8-ой и 7-ой классы поехать на работы по прокладке шоссейной дороги между городами Кралево и Рашка, на которой уже работали остатки кавалерийских полков. Желающих кадет записалось человек 60-70 и при двух воспитателях, подп. П. Маслове и кап. В. Иванове, группа была перевезена по железной дороге в город Кралево. Приехали под вечер, кто-то из представителей местной русской колонии встретил кадет и отвел в какой-то дом, носивший громкое название «Русское Офицерское Собрание», где кадет накормили заранее заказанным ужином, после чего группе было предложено расположиться на ночевку во дворе дома. По случаю летнего времени никаких затруднений не было и подложив под себя шинель, шинелью же накрывшись и с кулаком вместо подушки, кадеты предались молодому, здоровому сну, предваритель-

но наслушавшись всяких военных эпизодов из жизни «бога войны», как называли ген. Карцева, который пошивая из фляжки чистый спирт, рассказывал о былых батальных участниках которых он был, начиная с войны 1877-78 годов.

На утро строем и с пеннем кадеты прошли по городу и, свернув на нужную дорогу, постепенно втянулись в узкую долину, по которой, извиваясь течет между гор река Ибар, то удаляясь на десяток метров, то приближаясь к самому берегу. Вдоль вьется прокладываемое шоссе, частично уже законченное руками нашей кавалерии. Дойдя до 11-го километра наши остановились и были разделены на две группы, — одна с кап. В. Ивановым осталась на 11-м километре, а другая с подп. П. Масловым пошла дальше на 22-ой километр, предназначенный для работы. Изредка среди гор виднелись «колибе» или пастух с собакой, охраняющий овец и коз пасущихся на склонах гор. На 20-м километре была стоянка остатков расформированного Николаевского Кавалерийского Училища, среди работающих на этом километре, кадеты повстречали старших однокашников — корнетов. Они рассказали о плохих условиях работы, о плохих заработках, о духовной и физической усталости, о разбитых надеждах на скорое возвращение на Родину и советовали своим младшим однокашникам не повторять их ошибки «выхода в полчки», а продолжать образование в университетах, на всяческих курсах и т. п.

На противоположном берегу Ибра возвышались на горе руины какого-то замка, про который корнеты, со слов местных крестьян, сказали что когда-то он принадлежал какой-то царице Ирине, но теперь туда никто не ходит, потому что там живет «король змей». Корнеты, конечно, в змеиного монарха не верили, но ходить туда все же не решались из-за множества змей-гадюк с маленьким рогом на голове и с генеральским зигзагом черного цвета на спине, укусы которых считался если не смертельным, то во всяком случае очень опасным.

Прийдя на 22-ой километр, группа поставила в десяти метрах от берега большую палатку, которая вместила всех, набила мешки соломой, заранее приготовленной для вновь прибывающей партии рабочих, а некоторые, особенно боявшиеся змей, смастерили себе из сучьев и ветвей подобие кроватей, с высоты которых они горделиво посматривали вниз на расположившихся на земле однокашников. Несколько человек, знакомых со столярным делом, демонстрировали свое искусство, сколотив примитивные скамьи и столы, а избранный пря-

мым, равным, тайным и еще каким-то голосованием кашевар, кадет П. Мазаев сварил ужин, после чего, как и в стенах Корпуса, была переключка и вечерняя молитва. Кадеты пропели «Отче наш» и «Спаси Господи», а эхо вторило стройному пению молитв, впервые услышанных сумрачными горами Ибарской долины, в наступающих сумерках заканчивающегося заката, покрасившего облака запада в пурпурный, переходящий в фиолетовый, цвет. Вскоре разговоры прекратились и в палатке наступила тишина. Следующий день начался подъемом в 5 часов утра и после молитвы и завтрака кадеты-рабочие предстали перед глазами нового начальства — двух русских техников. Фамилия старшего техника, заведывавшего большим участком дороги была Свиягин, в прошлом, как нам сказали, саперного офицера. Заведующий инвентарем выдал по счету кадетскому десятнику, подп. П. Маслову (таковым он считался и получал вознаграждение согласно своему положению), лопаты, кирки, ломы, молоты, тачки и пр. нужные инструменты. Техник объяснил Маслову работу, которая заключалась в расширении узкой горной дороги и превращении этой дороги в шоссе первого класса, годного для перевозки любых тяжестей. На наше счастье на первой неделе работы погода выдалась не жаркая, облачная, ветреная с легким дождиком. Это было как нельзя кстати, т. к. работая до пояса обнаженными мы потемнели от дождя и ветра и таким образом застраховались от будущих солнечных дней. Первый день работы прошел быстро, но сказалось отсутствие сноровки в работе, многие натерли волдыри на ладонях и, вложив в работу все силы, на следующее утро едва передвигали ноги, мышцы ныли, пузыри болели и только после того, как закусив губы мы поработали с час, разогретые мышцы перестали ныть, а пузыри, прорвавшись, перестали болеть. Второй и третий день были самыми тяжелыми, но работая не за страх, а за совесть, темп работы остался на высоте и, благодаря ему группе, на основании выработанных кубометров земли, щебня и камней, за первую неделю назначили самую высокую поденную плату из возможных по категории землекопов и ставили в пример полковым ячейкам говоря: «Вот мальчики приехали, а работают лучше вас, взрослых». Ежедневно, кроме воскресений, работали по 10 часов — с 6 ч. утра до 6 ч. вечера с перерывом на обед в два часа. Так как работа группы была совсем близко от стоянки, то на обед группа приходила и быстро справившись с простой, но сытной пищей, успевала еще час-пол-

тора отдохнуть в горизонтальном положении. Кормил П. Мазаев главным образом фасолью с салом, густым борщом на сале или макаронами опять-таки с салом. Мяса не покупали т. к. держать его было негде, а хлеб привозили из Кралева два раза в неделю. Кадет Надеждин был назначен речником к технику, а кадет Оленин помощником к взрывателю, которым был некий корнет.

Одно не было предусмотрено корпусным начальством, в чем даже и обвинить его нельзя, из-за отсутствия опыта, — это рабочая одежда. Когда мы с проблемой столкнулись — были уже на берегу Ибра, так что пришлось из положения выходить весьма просто, сняв с себя верхнюю одежду. Рубашка тоже за ненадобностью была снята и, закатав выше колен кальсоны, одев на босу ногу ботинки, а голову прикрыв носовым платком с завязанными по углам узлами, разрешили вопрос нашей рабочей одежды. Вид наверное был, даже для выдавших виды профессиональных техников, жутковатый, но вокруг нас никого не было и мы могли бы с таким же успехом работать в костюме Адама до грехопадения, тем более что Евы отсутствовали, а змеи хоть и были, но не принадлежали к обольстительницам.

В одно из воскресений кадет Борисоглебский Борис, быв. кадет Ташкентского Корпуса, заявил что идет в замок царицы Ирины и ищет спутников, кто-то несмело напомнил о множестве змей, но Борис ответил, отозвавшись о местных пресмыкающихся весьма презрительно: «да разве это змеи?! Вот у нас в Туркестане змеи — так то змеи, возьмем например змею «стрелка», она песочного цвета, живет в песке, маленькая, неопытный глаз никогда не заметит, а прыгает подлюга на две сажени и норовит в рожу укусить, вот это змея, а эти что, — только ползают». После этой тирады, Борис одел ботинки, запустил брюки в носки, а сверху надел английские брезентовые гетры, на руки надел кожаные перчатки и вызывающе посмотрел на окружающих. С ним пошло еще двое. Вернулись через несколько часов с дубинками в руках и на вопрос: «пу как?» скромно ответили «ухлопали штук сто и дубинками лупили и ботинками давили, их там до чертиков!»

Проработав полтора месяца и заработав после всяких вычетов: питание, железнодорожные билеты со скидкой в 75%, сигареты, солома, подвода перевозившая наши вещи и др. расходы, кадеты вернулись в Корпус заработав 600-700 динар, что очень облегчило окончившим 8-ой класс начать новую

жизнь, перешедшим в 7-ой класс уплатить за жетоны и др. выпускные расходы, а всем вместе на собственном опыте убедиться в тяжести физического труда, который очень плохо оплачивается, и сделать соответствующие выводы.

С. Ольденборгер К.К.

ОТПУСК.

Жоржу Г. ко дню его Ангела.

*И вот суббота наступает
И в отпуск хочется идти... (Звернада)*

Не стая соколов слеталась
С родных степей, гор и лесов,
Семья сплоченная сбиралась
Кадет Российской Корпусов.

Давно уж пролетели сроки,
Когда впервые встали в строй,
Но держим голову высоко
И помним Корпус наш родной.

Кадетские промчалась годы...
Прошло с тех пор так много лет!
Но все несчастья и невзгоды
Не угасили дух кадет.

Конечно, время наложило
На нас свой беспощадный след,
Мы все до старости дожили,
Мы все не те, что раньше были,
Но в сердце всяк из нас кадет.

Осталось нас уже немного
И близок наш конец пути.
Но локоть к локтю, дружно, в ногу
К нему клянемся мы дойти!

Шеренги наши быстро тают
И знаем мы, что смены нет...
Но тем тесней ряды смыкает
Последнее каррэ кадет.

Как наши предки не склоняли
Перед врагом своих знамен,
Мы никогда не изменяли
Тебе, кадетский наш погон.

Для нас ты отблеск Русской Славы,
Что от Кагула до Карпат,
Чрез Альпы, Шнирку и Полтаву
Пронес наш доблестный солдат!

Ты ставил нам всегда примером
Всех тех, кто доблестно в бою
За Родину, Царя и Веру
Сложили голову свою.

Погон детьми мы получили,
Едва минул десятый год,
Но с той поры и до могилы
Он в сердце каждого живет.

Детью коснулся нас десницей
Дух Русской Славы вековой
И стали мы тогда частицей
Семьи Российской боевой.

И чары гордых тех речей
Нам всем сердца заморозили
И до скопчанья наших дней
Свой отпечаток наложили.

Нам эти чары, как завет,
Как символ веры остаются,
Покамест будет жив кадет,
Покамест наши сердца бьются.

И от начала и до ныне
Они, как светоч нас ведут
На Родине и на чужбине
"С ноги нам сбиться" не дают.

А трудно было нам начало
Суровой жизни корпусной,
Когда впервые покидали
Уют семьи и дом родной.

А сколько первыми ночами
Пролило было слез тайком
Про то мы знаем только сами
Вдвоем с промокнувшим платком

Но лишь под утро, на минутку
Обхватит сладкий сна туман,
Как уж ревет труба "побудку"
Или грохочет барабан.

Слетевши кубарем с постели,
Бежишь скорее в умывалку,
Где успеваешь еле-еле
Помыться в общей бурной свалке

Горит восток зарей холодной
Как сапожницами стуча,
Вся рота строится по-зводно
На утренний осмотр и чай.

По первым дням осмотра эти
Нам были чашею страданий
И редко новому кадету
Они сходили без разысканий.

Ева лишь эхо замрало
Команды "Смирно!" громовой.
Начальство наше начинало
Свой суд безжалостной рукой.

"Не горбиться! Живот убрать!
Носки на шпирю приклада!
Грудь не заваливать! Молчать!
Получишь лишнего два варяда!

Сапог не вычистил! Неряха!
Сдвинь каблучки! Плечи пошире!
Зад подтянуть! Поправить бляху!
А что за пятна на мундире!

Летят, гремят эти раскаты,
Как в небе первый летний гром,
Всегда найдется виноватый,
Если не в том, так уж в другом...

Конечно, наших молодых
Начальники "в хвост, в гриву греми"
И мрачные ряды "штрафных"
Перед "дежуркой" каменели.

Еще и солнце не восходило
Была шеренга их длинна,
Когда же солнце заходило
Они стояли, как стена.

Так от "зарн" и до "отбоя"
Вижушли нам во все часы
Дух дисциплины, четкость стрел
И чувство воинской красоты.

Без устал, с кровавым потом,
Мы погрузились с головой
В науку хитрой пехоты,
В наш быт суровый корпусной.

Так день за днем прошли недели
И горький корень дал плоды,
И как-то сразу поредели
"Штрафных" унылые ряды.

Как верно выразился Пушкин
В своей "Полтаве": тяжкий млат
Дробя стекло нам на макушке
Из наших душ ковал булат.

И, как булат тот закалялся,
Пройдя через горнило бед,
Так постепенно получался
Лихой, отчетливый кадет.

Вот, наконец-то, наступает
Желанный миг, желанный срок:
Нас в первый отпуск увольняют
Лишь кончатся шестой урок.

Явившись четко офицеру,
Взяв увольнительный билет,
Впервые за свою "карьеру"
Идет по городу кадет.

Фуражка — новый "хлебрез"
На солнце козырьком сияет,
А козырек на нос налез,
Но это, право, не мешает.

Блестят и бляха и глаза,
И пояс лаковый сверкает,
И наша гордость и краса,
Погоны плечи украшает.

Идет он гордо "грудь вперед",
Рука "от бляхи до отказа"!
Ах! почему не выдает
Штыков начальство в первых классах.

"С носка чеканя" шаг солдатский,
Он браво движется в толпе
И очень многие из штатских
Его дивились красоте.

И, как статуя командора
Он в улицу свою вступал,
Но вид знакомого забора
Всю бутафорню срывает.

Забыв всю важность от волнения,
Несется к дому со всех ног
И, весь дрожа от нетерпения,
Знакомый дергает звонок.

И вместо фразы очень пышной,
Заранее сложенной в уме,
Он на вопрос: "Кто здесь?" — обычный
Кричит: "Здесь я! Откройте мне!"

Тут шумно все зашевелилось,
Раздались крики, топот, стук,
Все завертелось, закутилось,
Все заметалось вокруг.

И мать и сестры и прислуга
Целуют, тискают, кричат,
Перебивают все друг друга,
Налюбоваться им хотят.

И даже дворник и кухарка
Встречать "паньчика" бегут,
Всем было радостно и жарко,
Все побывали тут.

Нам не видать уж тех мгновений,
Что отпуск первый нам давал.
Носились все в глазах, как тени,
В душе его огонь пылал.

Как только кончились приветы,
Затихли крики — все гурьбой
Ведут в столовую кадета
Пир начинается горой.

Но тут он не дает уж маху,
С трудом принявши важный вид,
Он тоном старого вояки
Чуть хриплым басом говорит.

Слова его полны значенья,
Малопонятного для дам,
Но мать и сестры с уважением
Внимают мудрым тем речам.

В те речи входят непременно:
Цейхгауз, цигель, взвод, бушлат,
Дать ногу, не ломать равнения,
Дежурка, хлястик и наряд.

И так лилась беседа эта.
Казалось, что конца ей нет,
И слышно было до рассвета
Как разглагольствовал кадет.

***

Давно уж миновали дни,
Когда мы в отпуск уходили,
Но яркие в памяти они,
Как будто бы вчера лишь были.

И вспоминаем мы всегда
Все то, что сердцу мило,
Все наши юные года
И всех, кто дороги нам были.

Так вспоминаем мы семью,
И детства наши дни златые,
И нашу школьную скамью
И стены Корпуса родные.

И всех товарищей кадет,
Тогда веселых и беспечных,
Их многих уж на свете нет,
Но в нашем сердце — они вечны.

И вас наставников своих,
Учителей и командиров.
Поклонимся же праху их
И в сердце скажем: "спите с миром".

И вспомним Князя Константина,
Кадет Державного Отца,
Чье имя было нам святыня
И будет свято до конца.

И вечно помнит, пусть, кадет
Всех тех, кого мы так любили
И скажет с грустью: "Их уж нет"
И с благодарностью: "Были!"

* *

Кипит и плещет жизни вал
И брызгами взлетает пена,
Он всюду все перемешал
И внес повсюду перемену.

Теперь мы в Бельгии живем
И каждый стар уже и сед,
Но в сердце каждого глубоко,
По-прежнему живет кадет.

Ходить мы любим в клуб кадетский.
Где песни русские поем
И водку пьем мы молодецки
И заедаем пирожком.

Там на стенах висят портреты,
Наш флаг с частицами знамен,
Погон кадетских трафареты.
Там дух кадетский утвержден.

Там неизменно мы встречаем
Кадет — товарищей лихих
И долго с ними рассуждаем
О наших годах корпусных.

Мы в клубе сердцем ощущаем
Нашу кадетскую семью

И, будто снова попадаем
Опять на школьную скамью.

Там забываем наши годы,
Там распрямляется наш стан
И все житейские невзгоды
Уходят на последний план.

Но в клуб идем мы не за водкой
И не за вкусным пирожком
Мы в ОТПУСК, хоть на миг короткий,
В наш КОРПУС, в ЮНОСТЬ мы идем.

Когда же в поздний час ночной
Мы клуб кадетский покидаем,
То освеженно душой
Как будто ДОМА побывали.

Да, было много корпусов
На Родине и на чужбине,
Погоны были всех цветов,
Но дух кадет всегда единый.

И все добра мы пожелаем
Тому, кто много, много лет,
Нас в этот отпуск увольняет
И выдает нам наш билет.

Египт и плещет жизни вал,
И брызгами взлетает пена.
Он всюду все перемешал,
Но дух кадетский неизменен.

Года его не угасили
И перемена только в том:
В СУББОТУ в ОТПУСК мы ходили,
Теперь по ПЯТНИЦАМ идем!

И раньше в годы корпусные
В НЕДЕЛЮ раз пускали нас,
Теперь, как будто мы "штрафные"
Пускают в МЕСЯЦ один раз.

Еще добавлю, что бывало,
Как в корпусе наш ротный злой
За низкие, плохие баллы
Кадет не отпускал домой.

Теперь частенько так бывает,
Что пятница уж наступает
И в клуб так хочется пойти,
А доктор св... не пускает
Болезнью страшной угрожает,
За это черт его дерит!

И, проклиная все бронхиты,
Холестероль и синузиты,
Кусаем синий ус, бурча
И капли пьем, ворча сердито,
По предписанию врача...

Брюссель. Май 1971

Павел Гайдовский-Потаносич.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО КРЫМЦЕВ С ИНСТИТУТКАМИ ДОНСКОГО МАРИИНСКОГО ИНСТИТУТА

Ускоренным шагом, под бодрящие звуки лихих песен, в знойный летний день шел вдвоенными рядами строй Крымцев — человек пятьдесят.

Случайные прохожие из местных жителей с удивлением останавливались и смотрели велед, гадая что заставило этих неутомонных «русов» в тридцатиградусную жару куда-то идти, да еще и веселиться, т. к. веселье ясно отражалось на лицах кадет. Местным жителям, конечно, было невдомек, что Начальница Донского Мариинского Института, Наталия Владимировна Духонина, через Директора Крымского Кадетского Корпуса, ген.-лейт. Римского-Корсакова, пригласила пятьдесят кадет первой роты для знакомства со старшими классами Института.

Эта встреча и была причиной того что, несмотря на палящее солнце, строй шел ускоренным шагом, чему способствовали и русские песни, раздававшиеся в тишине ленивой истома жаркого дня.

Итак, дорогой однокашник, ты мысленно переносишься в захолустный городок Баната, твой умественный взор, перегоняя строй, уже оказался в городском сквере, против которого, в здании бывшего офицерского собрания Австро-Венгерского гарнизона, размещены институтки Донского Мариинского Института и ты, мысленно возвращаясь на почти пол века назад, оказался в зале здания, где быть может когда-то, обманув

бдительность классных дам, незаметно «нырнул» за колонны зала и обменивался трепетным рукопожатием, недомолвками и влюбленными взглядами с дамой твоего сердца.

Как ни велико и мое желание вместе с тобой вернуться в знакомый зал, все же, ради исторической точности, я должен тебя огорчить и перенестись на пыльную дорогу, вьющуюся между уже скошенных полей, фруктовых садов и рощ каштанов и лесных орехов. Дорогой мой, я уже вижу твой недоуменный и нахмуренный взгляд, я даже уже слышу слова возмущения: «окопчательно заврался писака, где же в Белой Церкви каштаны и лесные орехи?!. Не спутал ли от старости каштаны с шелковицей, а лесные орехи с виноградниками...» Нет, нет все в порядке, да и мозги на месте, а пыльная дорога ведет от Стрища в Вурбург, куда на летние каникулы приехали институтки.

Замок Вурбург принадлежал австрийскому графу, фамилия которого, кажется была Герберштейн или что-то вроде этого. Предок сего достопочтенного графа был послом Священной Римской Империи при дворе Московского Великого Князя Иоанна 3-го, чей портрет, написанный каким-то итальянцем, висел на стене одной из зал замка, а толковый гид показывая портрет рассказывал туристам, как посол, сидя под развесистой клюквой вкушал вместе с Великим Князем русское народное кушанье «самовар».

Институтки были размещены во флигеле и ничего общего не имели ни с замком, ни с гидом и даже не сидели под клюквой и не рисковали пробовать самовар.

Итак, первое знакомство Крымцев с институтками произошло в Вурбурге около Птуя в июле-августе 1922 года. И оттуда потянулись нити дружбы между воспитанницами этих двух учебных заведений.

В те далекие времена наше обмундирование не было пероклассным, хотя уже были зеленые гимнастерки и черные брюки. Но юноши росли еще и некоторым пришлось употребить много стараний, чтоб подогнать одежду по росту, занимая у друзей; не было утюгов, чтоб прогладить складку, не было очень многого, включая мазь для ботинок и щеток, а пыльная дорога никак не способствовала улучшению общего вида, потому перед самым Вурбургом строй остановился и по возможности привел себя в порядок.

После первого знакомства начались танцы и кадеты, за время лихолетья отвыкшие от дамского общества и позабывшие танцы, вначале смущались и не совсем уверенно вспоминали фигуры па-де-катр, па-д'эспань и других, ушедших теперь в вечность, танцев. Институтки всячески подбадривали и помогали вспомнить, а под-час и учили своих кавалеров новым фигурам и вскоре кадеты, позабыв первые неудачи весело отплясывали со своими дамами-учительницами.

После танцев был обильный и вкусный ужин, который удовлетворил даже кадетские аппетиты.

Всему приходит конец — настал час расставаться. Кадеты под звуки лихих русских песен, раздававшихся в вечерней тишине словенских полей и садов, отправились в Стрнище, унося с собой чудное воспоминание о милых русских девушках.

Трудно утверждать, но вполне возможно, что кадеты во сне видели белые пелеринки, а несколько пар голубеньких и карих глазок не могли смежиться и все им мерещился альпий погон с белым кантом и красиво переплетенными буквами.

Сергей Ольденборгер, Е. К.

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА ЗА РУБЕЖОМ 1920 – 1945

Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США. 502 стр.

Цена 10 долл. США, с пересылкой 10.50 долл.

Заказы направлять по адресу:

Igor Agatov

**133-10 Avery Avenue
Flushing, N. Y 11355 USA**

«БЕСПОКОЙНЫЙ»

Посвящается покойной матери
А. П. Бертельс-Меньшой.

Пусто на приморском бульваре. Февральский холодный ветер несет в Севастопольскую бухту серо-зеленые волны засоренной портовой воды.

Кадет приходит сюда в это утреннее время, садится на камни у воды, и снова с пронзительной тоской и какой-то растерянностью думает о вихре событий пронесшим его по жарким или снежным полям Малороссии, бросавшим по портам Черного и Азовского морей, освещенным заревом пожаров эвакуации, и выбросившим его на берег Севастополя со смятенной юношеской душой, потрясенной одновременно и страшным блеском подвига и тошной реальностью тупой безжалостной смерти.

В Одессе, уже покинутой последними нашими частями, его отец полковник и он, обегали лазареты с лежащими рядами на полу в коридорах и классах, больными тифом и ранеными, ища старшего брата по слухам заболевшего под Николаевым, и потерянного частью при отступлении.

Очевидная тщетность поисков и бессилие перед грубостью потери, доводили до отчаяния.

С парохода «Россия», в Севастополе, рослый красавец унтер-офицер Новиков снес на руках как ребенка полковника, отца кадета в тифозном бреду в лазарет и с ним неотлучно находилась мать кадета.

Серые, свинцовые дни текут в холодном и голодном Севастополе. На древнем Перекопе напир поредевшие части и юнкера константиновцы штыковыми атаками отбрасывают красных, а на лиманах стоят на якорях, часто без машин, канонерские лодки и былиндеры поддерживая сухопутные части артиллерией.

Ветренно на приморском бульваре. Тоскливо и недоуменно текут мысли. Что делать? Ждать возможного рокового исхода с отцом или оставив мать, во второй раз одну, быть в редущих рядах на Перекопе?

Пусто в Севастополе, а в бухте печально и недвижно, точно заснувшие серые слоны, стоят старые безжизненные броненосцы. Только один стройный красавец «Кагул» (Генерал Корнилов) кипящий жизнью, стоит на внутреннем рейде, да вдали, в Северной Бухте, виден грозный «Император Александр III» (Генерал Алексеев).

Но флот не умер. Старики миноносцы с угольными машинами: «Жаркий», «Живой» и «Звонкий» героически несут службу, а красавцы молодые с турбинными двигателями: «Беспокойный», «Дерзкий» и «Пылкий» оправдывают свои технические совершенства в морских операциях.

Кадет сын морячки и внук и правнук балтийских моряков. С детских лет от деда слышит он о долгих «кампаниях» под парусами, а от матери ее рассказы о ее юности в Кронштадте, о дружной морской семье, о балах в Морском собрании, которые сам великий адмирал Макаров открывал с ней — Аничкой Меньшой — танцуя первый вальс. Душа русского флота, его слава, величие и традиции были святыней, а в осажденном Крыму и надеждой Белой Армии.

Мало осталось сил, но как дерзновенно гордо, развернувшись за брандвахтой, стариком «Святым Георгием» выходит в море блестящий «Беспокойный». Как элегантно, привычны русскому глазу контуры корабля, без лишней нагрузки палубы, в отличие от англичан, как красива и родна специфичная темно-серая окраска, как надраена медь и как прекрасен до слез своим сочетанием цветов и глубокой символикой огромный андреевский флаг на корме полощущийся почти по воде и как значителен небольшой флаг гюйса на носу означающий готовность корабля к службе.

. . . . .

Разметала судьба верных и неверных сынов России по миру. Будучи студентом слышал кадет о печальной передаче остатков русского флота французам в Бизерте; глубоко почувствовал позор совершившегося — ведь корабли это знамена моряков и тело народа . . .

. . . . .

Снова налетел ураган. Снова нужно было выполнять свой долг перед памятью погибшей России с оружием в руках. И снова только святым огоньком одной свечи горела Белая Идея, слишком чистая, чтобы быть понятой. Страшна трагедия по-

ложивших оружие, но не безсходна. Великие подвиги наших братьев положивших «душу свою за други своя», как символ горят в наших душах.

. . . . .

Много уже седых волос у бывшего кадета. Много пережито, много продумано, и вот опять, перед началом новой жизни в Новом Свете, на берегу «Острова Цветов» в глубине бухты Рио-де Жанейро, сидит он, глядя на спокойную, грязную воду пролива, отделяющего остров от пригорода Невес. На берегу напротив какие-то полузаброшенные мастерские, склады железа, деревянная примитивная пристань и к ней пришвартованы какие-то ржавые остовы. Но . . . что-то странно, почему эти странные формы труб, рубок, так притягивают взор? У ближе стоящего корабля трубы широкие и овальные, у дальнего округленные . . . орудийные башни, мачты, минные аппараты сняты, железо проржавело и стало рыжим; видны остатки каких-то бразильских наименований, но нет . . . ничто не обманет любящего сердца, это они, наши милые, гордые «Беспокойный» и «Пылкий». Они кончили свою жизнь здесь в теплой и тихой воде Нового Света, они красавцы носители святого Андреевского флага гордо державшие его во славу России.

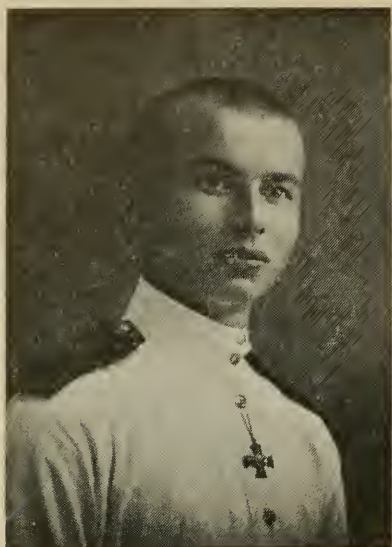
Бесконечно грустно было увидеть опять призраки былой славы, но и молитвенно-радостно, как будто символическим приветом восстал гордый «Беспокойный» и рассекая волны, распустив Андреевский флаг и подняв флаг гюйс летит в победный бой.

Послал он свой последний привет всем, как и он, бойцам, кто никогда не падал духом и без Родины не находил покоя и завещал им свое гордое, живое имя

«Беспокойный».

Андрей Бертельс-Меньшой.

ПАМЯТИ

ДРУГА-

ГЕРОЯ

Небольшого роста, коренастый, немного неуклюжий, он прибыл в Корпус с группой Сибиряков и Хабаровцев в 1925 году, и сразу вошел в нашу семью. Сильный, здоровый румянец делал его немного смуглым, а когда он улыбался, толстые губы расплывались «до ушей», отчего и осталась за ним кличка — «акула».

Кличка — кличкой, но мало кто из кадет заслуживал уважительного обращения по имени и отчеству. Прошников — заслужил. За его всегда спокойный характер, начитанность и постоянную задумчивость и независимость — стали его, уже в шестом классе, называть Петром Ивановичем.

Он поступил в Хабаровский Графа Муравьева Амурского Кадетский Корпус во Владивостоке, и с Корпусом прошел тяжелую, но и романтическую эпопею жизни на Русском Острове, эвакуацию, Шанхай и путь вскруг Азии, к нам в Югославию, в Сараево.

Официально, по документам, он приехал под фамилией Меркулов, т. к. его мать, вышла замуж за Председателя Дальне-Восточного Правительства Меркулова, но Петр Иванович — упорно требовал, и добился, перемены его фамилии на его настоящую — Ирошников.

Попривыкнув и осмотревшись, он крепко взялся за науки и чтение — читал и читал. Помню, не раз он заменял меня на

ночном дежурстве, чтобы дочитать увлекшую его книгу Вальтер Скота или Данилевского.

Нужно сказать, что науки давались ему легко, и он вскоре стал оспаривать первое место в классе. Заслужил он уважение и преподавателей, хотя и входил с ними в постоянный конфликт, так как сидя всегда на первой парте, считал своим долгом всем, и довольно нахально, подсаживать.

Те, кто не ездил не только на Праздники, но и на летние каникулы (а таких в те годы было много), особенно тесно сживались во время прогулок, купаний, экскурсий, и бесконечных летних вечеров, когда дисциплина не гнала спать вовремя и не запрещала разговаривать «после ночника». Особенно сближают костры в лесу, и я никогда не забуду наших разговоров с Петром Ивановичем у костров. Сначала — полудетские, романтические темы, а затем все более и более серьезные и даже философские, особенно перед выходом в жизнь, когда многие вопросы вставали конкретно и «выплотную».

Характер сложился у Прошниковой прямой, решительный и бескомпромиссный.

Помню, в 6-м классе, А. де Сен Лорана и меня, директор Корпуса обвинил в несовершенном нами поступке, и, под угрозой исключения, требовал признания. Вечером, обсуждая положение, наш класс решил целиком уйти в горы, и не возвращаться, пока директор не отменит своего решения.

Мы сидели в одном белье вокруг печки, и обсуждали это предложение. Как сейчас помню, вдруг подошел к нам Прошников. Он был одет, в фуражке и со своей любимой кизиловой палкой.

— Ну? что же? Эх вы . . . ! добавил он, и в этот момент открылась дверь, и звеня шпорами, вошел директор.

— В чем дело, вы почему не в кроватях? Ты почему одет, Прошников?

— Мы уходим в горы, Ваше Превосходительство!

— Что? — нахмурился Адамович.

— Наши товарищи не виноваты, и мы все это знаем!

Дзинь-дзинь-дзинь — позвякивали шпоры Адамовича . . .

— И я, тоже это знаю! Ложитесь спать. Спокойной ночи! — и директор, повернувшись, вышел.

— Видали! улыбнулся Петр Иванович.

* * *

Таким же он был и после Корпуса.

Выбрав технический факультет, не имея семьи и поддержки, он попал на всем известный «Сеняк», студенческое общежитие «державной комиссии».

Воспитанные на исторических традициях Кадетских Корпусов, мы, выйдя в жизнь, попытались войти в интересы наших старших товарищей, в жизнь военной эмиграции. Встретились мы с бесконечными полковыми праздниками, юбилеями, панихидами, встретились с отношением к нам, как к неполноценным «молодым». А были мы, ух, какими взрослыми, студентами, и хотели своего места в жизни. Нужно сказать, что мы были то поколение, которое не успело по возрасту, принять участие в гражданской войне, но которое успело потерять семьи, нормальную жизнь, детство и юность. Мы ощущали пустоту, жизнь требовала от нас какой-то деятельности, и мы искали ее.

Ирошников — одним из первых вступил в НТС, и горячо переживал его деятельность, первые шаги, первые затруднения.

Помню, когда не было денег для издания третьего номера нашей газеты, Петр Иванович со своим другом, продали кровь в больнице, и всю сумму отдали на издание.

Когда нападало уныние, усталость — появлялся Петр Иванович, всегда бодрый, веселый, с громким голосом, и стыдил, звал, вел вперед.

И вот однажды, возвращаясь из клуба, я спросил Ирошникова, почему он взволнован и особенно молчалив. Помню этот наш разговор.

— Ты, Алеша, должен мне помочь. Хватит разговоров, нужно действовать! Я решил идти в Россию. Дело этого требует. Сегодня я говорил с Б. Возможность есть, и я иду, — рубил он ладонью воздух, — ведь ты понимаешь, что это может дать.. .

И вспомнил я вечер у корпусной печки, и Петра Ивановича с кизиловой палкой . . .

И еще был разговор: — Мне сказано самому выдумать «легенду», куда и почему я исчезаю. Так пмей ввиду, я сказал на «Сеняке», что я растратил казенные деньги, и еду в провинцию, чтобы их отработать.

— Ну, Петр Иванович, кто тебе поверит! Не мог ничего умнее придумать?

— Знаешь, ко мне все слишком хорошо относятся. Пусть думают, что я подлец, меньше будут интересоваться.

Сознаюсь, когда меня вскоре, спросили об этом, — язык не повернулся подтвердить, настолько это было невероятно.

Через несколько дней он ушел . . .

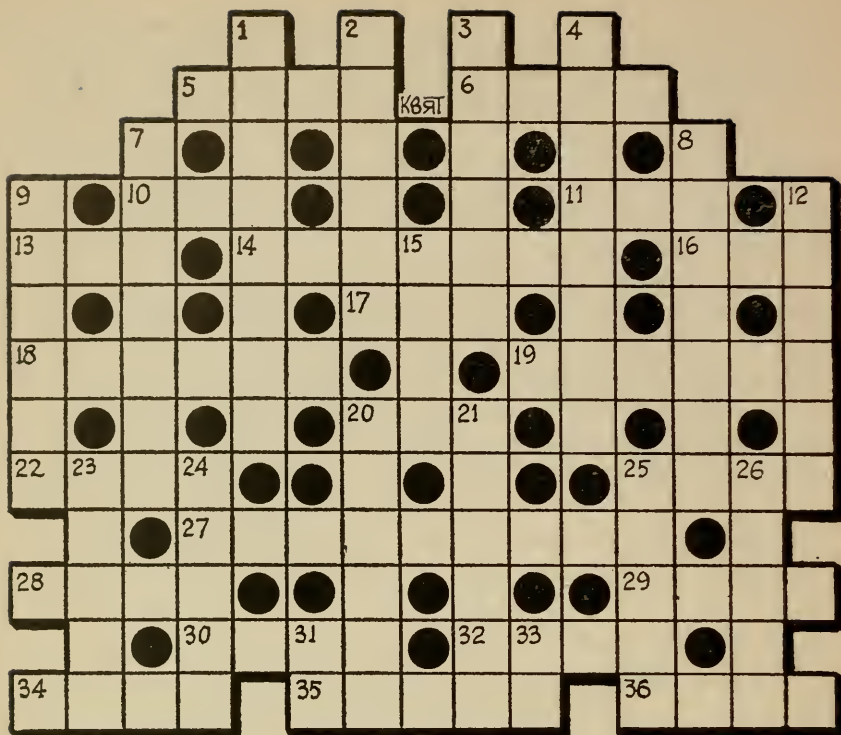
Весть о его гибели поразила, как гром среди ясного неба. На границе Румынии и СССР — убит в перестрелке . . . Это было летом 1933 года.

Своих путей тогда у нас не было. Полностью доверились «старшему брату» — РОВС'у. После месяца поисков и проверок, в недрах белградского РОВС'а был обнаружен советский агент, К. Да, дорого стоил нам первый опыт!

Но всегда стоит передо мной, наш Петр Иванович, смелый, прямой, честный и непоколебимый.

Им — спящим на родной границе, — мы можем гордиться.

А. Родзевич IX в. Р. К.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 2

Горизонтально: 5) Жилще кочевника, 6) Наркотик. 10) Болезнь. 11) Восклициание, 13) Персонаж из комед. Шекспира, 14) Мужское имя, 16) Скоморох, 17) Горное селение, 18) Спрессованный уголь, 19) Рассказ Чехова. 20) Единица работоспособности, 22) Ровное пространство земли, 25) Административное деление некот. государств. 27) Была у нас избавительницей от плохого бала. 28) Знак препинания. 29) Защита от удара мечом (в старину), 30) Приток Дуная, 32) Пахучая трава. 34) Церковное слов. буква, 35) Часть храма, 36) Необходимая часть автомобиля.

Вертикально: 1) Образец для раскраивания, употребляемый многократно, 2) Город в России, 3) Греческий трагик, 4) Наследница Римской империи, 7) Первый приют двух заруб. кад. корпусов, 8) Город в России, где был кад. корпус, 9) Изображение земли, 12) Сильное чувство, 15) Мужское имя, 20) Город, где был зар. кад. корпус, 21) Повреждение тела, 23) Пространство, покрытое лесом, 24) Злак, 25) Летнее жилище, 26) Имя ген. Деникина, 31) Египетское божество, 33) Овраг.

(Решение на стр. 51)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.3

